

«При мысли великой, что я человек...» В.А.Жуковский

Ж У Р Н А Л

№ 10 (54)

2013

ЭТОВ

Композиция Константина Кедрова.

ЖУКОВСКИЙ

ДООС — добровольное общество охраны стрекоз

«Быстро вершину высокой горы оторвал он и бросил.
Пред кораблем черноносим с огромною силою камень
Грянулся в воду так близко, что чуть не разбил его носа.
Море высоко вскипело от камня, упавшего в воду.
Как от морского прибоя, большая волна поднялася,
И подхватила корабль, и к суше назад погнала нас.
Шест длиннейший я в руки схватил и, упершись, корабль наш
В сторону прочь оттолкнул: ободря товарищей, молча
Им головою кивнул, на весла налечь призывая,
Чтобы спастись нам. Нагнулись они и ударили в весла.

...

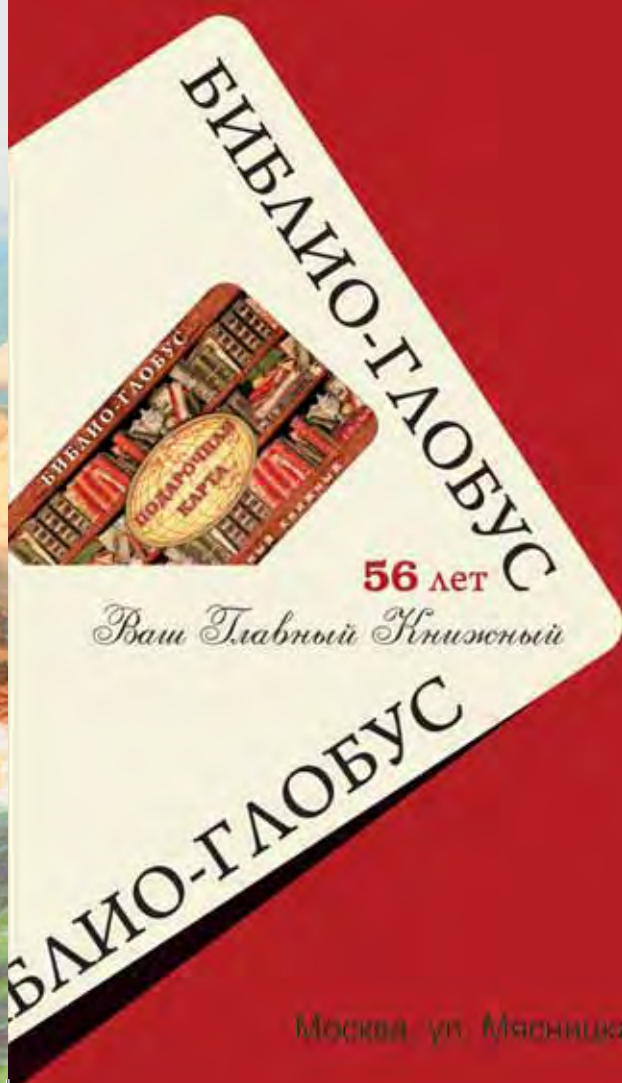
Камень еще тяжелее и больше поднял он и быстро
Бросил его, размахав и напрягши безмерную силу.
Он позади корабля черноносого с силой огромной
Грянулся в воду так близко, что чуть по корме не ударил.
Море высоко вскипело от камня, упавшего в воду.
Волны корабль подхватили и к суше вперед понесли нас».

Гомер «Одиссея». Перевод В.А. Жуковского

Презентация Журнала ПОэтов № 2 2013 г. «Черезречь» в салоне «Классики XXI века» Чеховского культурного центра (Москва). Слева направо: Татьяна Зоммер, Константин Кедров, Елена Кацюба, Евгений Степанов, Маргарита Аль, Елена Пахомова (куратор салона), Дмитрий Цесельчук.

Более 200 тыс. наименований книг
Электронные книги и ридеры
Антиквариат и предметы
коллекционирования
Фильмы, музыка, игры, софт
Канцелярские и офисные товары
VIP - обслуживание
Услуги по формированию
библиотек и коллекций
Доставка книг из-за рубежа
Читательские клубы по интересам
Подарочные карты
Интернет-магазин www.bgshop.ru
Услуги туроператора
«Библио-Глобус» www.bgoperator.ru
Билеты в театры, на концерты
Детский клуб «Библиоша»

Станислав Жуковский
«Лунная ночь. Жасмин и пионы»

Василий Жуковский

Ночь

Уже утомившийся день
Склонился в багряные воды,
Темнеют лазурные своды,
Прохладная стелется тень;
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дороге эфирной,
И Геспер летит перед ней
С прекрасной звездой своей.

Сойди, о небесная, к нам
С волшебным твоим покрывалом,
С целебным забвенья фиалом,
Дай мира усталым сердцам.
Своим миротворным явленьем,
Своим усыпительным пеньем
Томимую душу тоской,
Как мать дитя, успокой.

1823

Коллекцию **Жуков-** **ских** собрали

2-3-4-5-6

Константин Кедров,
Г. Чернецов,
Г.Р. Рейтерн

7

Галина Мальцева

8

Татьяна Бонч-Осмоловская,
Галина Якубовская

9

Сергей Бирюков,
Андрей Канавициков

10-11-12-13

Елена Кацюба

14

Бахытджан Канапьянов,
Галина Якубовская

15

Светлана Михеева,
Александр Карпенко

16-17

Ольга Адрова,
Карл Готлиб Пешель,
Татьяна Виноградова

18

Василий Жуковский

19

Татьяна Скрундзь,
Андрей Гоголев,
Александр Корамыслов

20

Евгения Баранова,
Галина Якубовская

21

Владимир Шемишченко,
Виктор Клыков

22-23-24-25-26-27

Екатерина Зброжек,
П.Соколов

28-29-30-31

Станислав Жуковский,
Маргарита Аль,
Александр Раткевич

32

Николай Жуковский

33

Владимир Монахов,
Александр Добровольский

34

Михаил Гардубей,
Екатерина Адасова

35

Зиновий Антонов,
Олег Федоров

36

Александр Чемакин,
Дмитрий Сопыряев,
Николай Ерёмин

37

Анатолий Кудрявицкий,
Сергей Зотов,
Игорь Крестьянинов,
Игорь Ревякин

38-39-40-41-42

Александра Заболотская,
В.Г. Перов,
Оксана Слободчикова

43

Александр Петрушкин,
Галина Мальцева

44

Евгений Степанов,
Игорь Ревякин

45-46-47

Игорь Яркевич

Скульптор А. Бурганов.
Бюст В. А. Жуковского.

Константин Кедров

доктор философских наук
ДООС – стихозавр

Речь на Круглом столе, посвященном 230-летию В.А.Жуковского, в Чеховском культурном центре 26 апреля 2013 г.

Надо главную мысль Жуковского вспомнить. Эта главная поэтическая философская мысль сформулирована им гениально, и когда-то ее знала наизусть вся Россия. Каждая девушка это знала, каждый юноша это знал. А что потом пришли вандалы большевики и выбили это вместе с мозгами, это другой вопрос. А открытие его следующее, ведь самое популярное произведение Жуковского – баллада «Светлана». Девушка гадает о женихе, видит, что он погиб, а он возвращается, и все благополучно. Казалось бы, наивный сюжет, но ведь важна формула, которую запомнила вся Россия и которую надо теперь вспомнить. Это вся философия Жуковского и вся его поэзия:

Вот баллады толк мой:

«Лучший друг нам в жизни сей

Вера в провиденье:

Благ зиждителя закон:

Здесь несчастье — лживый сон:

Счастье — пробужденье».

И тогда весь этот материализм, весь этот доморощенный атеизм, сварганенный, не знаю, как и не знаю кем, все это рушится сразу.

Второе открытие Жуковского, может быть, даже первое. Ну слова, термины – классицизм, сентиментализм, романтизм – они немножечко академической тягомотиной отдают. Сам преподавал в Литинституте 15 лет, знаю, как сразу киснет от произнесения этих слов. Но ведь Жуковскому, принадлежит гениальнейшее определение того, чем является романтизм: романтизм – это душа. Всё! Не государство, не народ, не всякие революционные и антиреволюционные движения не самодержавие. Душа человеческая – вот что должно быть в центре мира. И он ее поставил там. Почему и полюбила его Россия и полюбила навсегда, потому что он первый совершил грандиозный, коперниковский, я бы сказал, переворот. До этого у всех поэтов, как бы они прекрасны ни были, сначала общество, потом человек. Сначала человек в обществе, а потом сам

по себе. Он совершил переворот, это христианский переворот. Суть христианства в чем заключается? Самое главное — душа человека, все остальное неважно. Вот этот переворот он и совершил в душах людей. Его герой, все, что происходит с ним, — это его переживание. И обратите внимание, даже «Певец во стане русских воинов», — Это, казалось бы, военная лирика. И Толстой, изображая Пьера Безухова, отчасти его имел в виду. Штатский человек на поле боя. Причем, это было трагическое место в Бородинском сражении. Как всегда, во всякой войне больше всего людей гибнет из-за тупоумия военачальников. В данном случае тупоумие заключалось в чем — стоял засадный полк в лесу, вероятно, они вспоминали Куликовскую битву, когда засадный полк решил судьбу сражения. Но на дворе-то был XIX век с артиллерией. Ясное дело, быстренько определили, где стоит этот засадный полк и стали по нему лупить из пушек. И вместо того, чтобы отвести этот засадный полк, им было приказано стоять и даже не лежать, а именно стоять. Ну и гибли один за другим. Каким-то образом Жуковский — Пьер уцелел.

Жуковский — это живое доказательство, что личность всегда значит больше, чем многомиллионные массы людей. Вы посмотрите, этот один человек, воспитывая престолонаследника, воспитал просвещенного монарха, проект оказался удачным. Он Александру с утра до ночи говорил: «Ваше высочество, первое, что вы должны сделать, когда вы взоидете на престол, — амнистия всем декабристам». И он повез престолонаследника, а надо сказать, с Николаем I шутки плохи, какая нужна была отвага, чтобы, рискуя всей своей карьерой, повезти престолонаследника в Сибирь, чтобы тот увидел все своими глазами. И он действительно, взоидя на престол, вернул декабристов.

И второе. Сколько было всех этих революционных движений, восстаний, бунтов из за крепостного права. Этот добрый человек, сын турчанки и русского помещика, внушил Александру: главным деянием вашего царствования будет отмена этого позорного права. И первые слова манифеста это же он написал: «Осени себя крестным знаменем, православный народ, и призови с нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного» Он еще сказал Александру: наши чиновники ведь какие люди — пока манифест дойдет, они уже так извратят, что будет как бы отменено, а все останется, как было. Поэтому надо, чтобы тайно, ночью курьеры поскакали с манифестом, чтобы чиновники не успели свести все на нет, как они это умеют делать. И проект удался. Все-таки крепостное право удалось отменить. Потом его, правда, восстановили — колхозы создали почище крепостного права, но в этом уж он не виноват.

И, наконец, последний сюжет. Все-таки хотелось уточнить. Понимаете, в чем дело, когда говорят о двух фигурах — Пушкин и Жуковский, — надо понять, что речь идет о равновеликих гигантах. Нельзя говорить, что Жуковский только воспитал Пушкина. Он не только Пушкина воспитал, а так или иначе всех поэтов значительных. Своей поэзией, своим влиянием, своей личностью. Они, конечно, равновелики, и Пушкин это прекрасно понимал, когда он писал, что ругать Жуковского — это уподобиться младенцу, который кусает грудь своей кормилицы. Но, конечно, когда мы читаем Жуковского, мы видим, что здесь еще продолжается обучение новому языку, осваивается немецкий, осваивается французский, больше немецкий. Он обратил внимание на немецкую культуру, на богатство именно философское, на возможности выражения мысли.

«Я записался под знамена не для чина... не для креста,
а потому что в то время всякому должно было быть военным».

В.А.Жуковский

И если бы не было Жуковского, никакого Тютчева не появилось бы у нас. Жуковский основоположник философской, метафизической лирики. Он основоположник лирики как таковой. Не просто любовной, но из души идущей, из глубин человеческого духа. Да, это младенчество, это первые слова, это выход. Но что важнее? Младенческий лепет, во-первых, первый. А во-вторых, младенец знает то, что взрослый уже не знает. И вот когда читаешь Пушкина и Жуковского, то видишь вроде бы одни и те же образы, но в Жуковском это первозданно, младенческая чистота, ясность необычайная. Это особенно видно в том самом знаменитом стихотворении. Надо покончить со всеми разговорами, что, дескать, у Пушкина плагиат — «гений чистой красоты» украл у Жуковского. Дело было так. Это гениальное стихотворение Жуковского:

Я Музу юную, бывало,
Встречал в подлунной стороне,
И Вдохновение летало
С небес, незваное, ко мне;
На все земное наводило
Животворящий луч оно —
И для меня в то время было
Жизнь и Пoesия одно.

Но дарователь песнопений
Меня давно не посещал;
Бывалых нет в душе видений,
И голос арфы замолчал.
Его желанного возврата
Дождаться ль мне когда опять?
Или навек моя утрата
И вечно арфе не звучать?

...

Но все, что от времен прекрасных,
Когда он мне доступен был,
Все, что от милых темных, ясных
Минувших дней я сохранил —
Цветы мечты уединенной
И жизни лучшие цветы, —
Кладу на твой алтарь священный,
О Гений чистой красоты!..

1824-й год. Это стихотворение у каждой девушки, у каждого юноши, оно популярней популярного, это, сейчас бы сказали, хит. И поэтому, когда Керн приезжает в Михайловское, и он ей в альбом пишет тем же размером: «передо мной явилась ты, / как мимолетное виденье, / как гений чистой красоты»,

— самой собой, это цитата, и тут вопросов нет. К тому же это альбомное стихотворение. Ну а гений Пушкина виноват в том, что он так блистательно и артистично владеет словом, что его стихотворение со временем вытеснило стихотворение Жуковского, где целых два величайших открытия. «Гений чистой красоты» — это величайшее открытие. Если ты в своей возлюбленной не видишь этого гения, значит ты ничего не видишь. Но там есть еще одно открытие. Там вводится одно понятие, открытое Гете, — мгновение, которое длится вечно. Гете написал гигантскую поэму, всю жизнь ее писал, — «Фауст». Фауст и живет для того, чтобы этого мгновения достичь: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно! Нет, продолжайся, не остановись». Если человек достиг этого мгновения, значит он достиг бесконечности. Бесконечность чувства. И это есть в стихотворении: «Как мимолетное виденье, как гений чистой красоты...» Не в том смысле мимолетное, что мелькнуло и исчезло, а это мгновение, которое останется навсегда. И сам Жуковский, и вся его поэзия — это и есть мгновении, которое останется навсегда.

А.С. Пушкин
и В.А. Жуковский.
Эскиз Г. Чернецова
к картине «Парад
на Марсовом поле».
Петербург. 1832 г.

Константин Кедров

Октябрь 2013

*
Жуковский! Гений чистой красоты
Не Пушкин написал а ты

*
У ни Жуковский икс во к ужину

*
Вот снова лирику атаковали
И очень долго токовали
Но сколько вам не токовать
А лирики не миновать

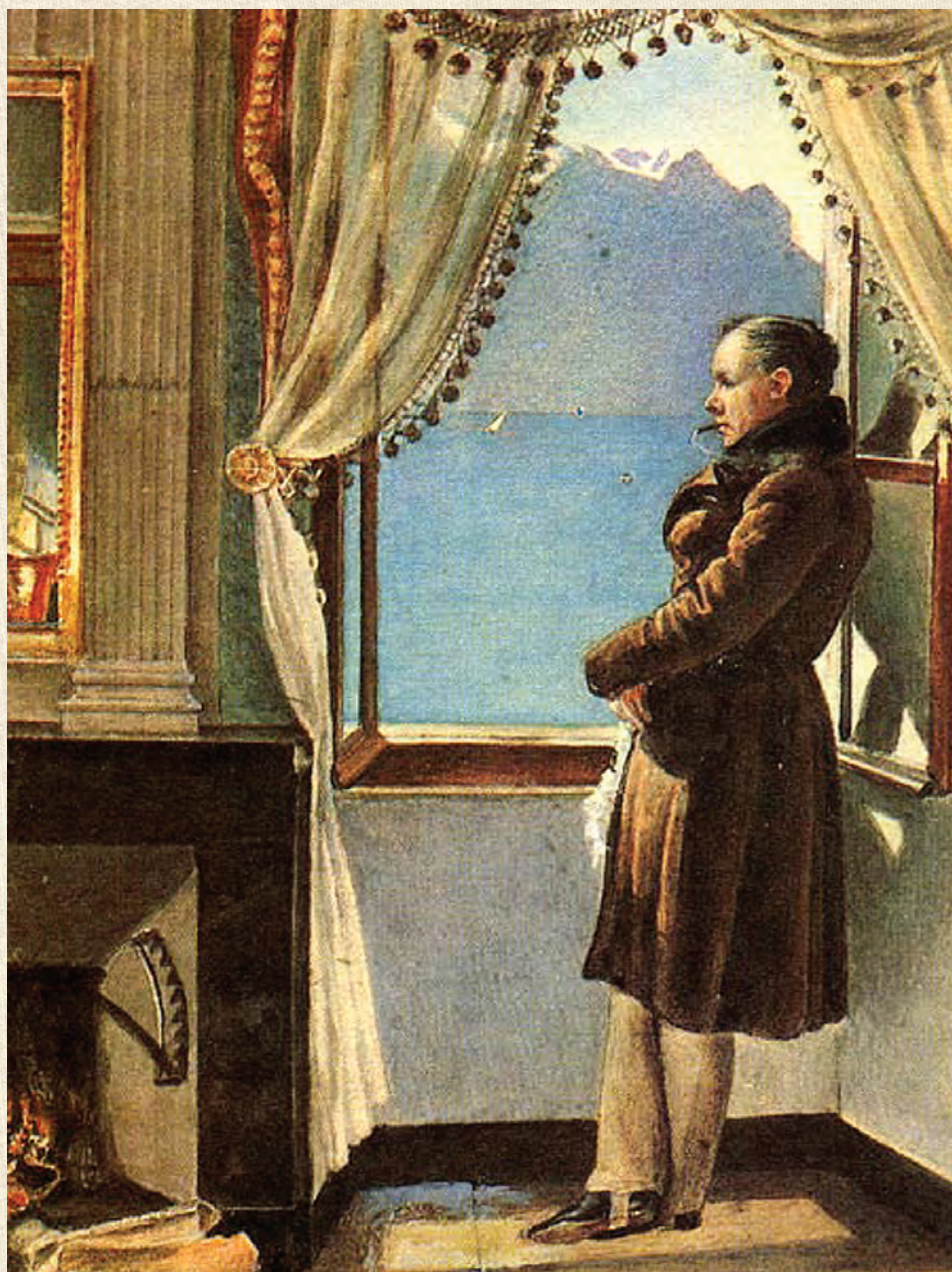
Я лирик до корней волос
Я лирик – это не вопрос
Не жду от вас я панегирика
но лирика всегда есть лирика

Я откровенен до предела
И мне не до кого нет дела
Кто не доволен кто доволен
Я волен волен волен волен

Что там нашепчет Лиотар
Когда во мне звенит литавр
Мы лирики мы минотавры
Но в нас еще звенят литавры

Пускай беснуется литмафия
У нас всегда Литавромахия

*
Изготовление стиха
совсем не сложная работа
Берёшь себя
И сам изготавливаешь
Пока не превратится стих в тебя
Пока ты сам ни превратишься в стих

Г. Р. Рейтерн.
В. А. Жуковский в Швейцарии.
(акварель).

«Да снидет мир к нам благодатный
И миру радость принесет!
Да луч премудрости рассеет
Невежества последний мрак
И да всеобщее блаженство
Вселенну в рай преобразит!!!»

В.А.Жуковский

*

В небесах истерика планет
Это проскакал Плантаганет
Битва двух галактик вдалеке
И рука к руке рука в руке

Не плыви за ближний горизонт
Опрокинув небо в Геллеспонт
Оставайся здесь на берегу
Я тебе остаться помогу

Молвит Гамлет: «Быть или не быть»
Помоги и ты мне не уплыть
От земли до неба шаг-другой
Шаг-другой и ты уже нагой

*
Я заблудился возле Ля Скала
в собор Миланский мы вошли
Меня нашли но не искали
Меня искали но не нашли

*

Искусство затерялось в пустоте
А пустота не хуже воровства
Спасибо вам за миф о красоте
Наместнице небесного вдовства

Смотри как мы скользим с тобой с горы
На санках я прижал тебя к груди
Я знаю та гора была Парнас
Но санки ускользнули из под нас

Итак мы вместе жизнь давно прошла
На небе не осталось никого
Луна взошла зачем она взошла
Взошла и всё — всё значит ничего

Я уезжаю в детство там тепло
И холодно когда коснулся дна
Но помню как ладошкой в стекло
Уперся но не выпал из окна

*
Жизнь из смерти вычитается
Остальное не считается

Фрагменты из поэмы

«Девятая симфония для Бонапарта». 1990 г.

Колонны мертвых движутся равномерно
Впереди всех новый Наполеон
Он как все – равномерно мертвый
но не на поле он
а на поле не он

...

В сущности наплевать на политику
только музыка важна в гуле
Как сперматозоиды яйцеклетку
атакуют поле драгуны

Оплодотворенье = победе
Поражение – незачатие
В партитуре это пробелы
почему-то не пропечатанные

...

Армия нот атакует Жозефину
Луиза выходит замуж из боя
Армия окружает Луизу сзади
Жозефина отступает уступая гобой

Овладев боем Наполеон уходит в палатку
Здесь ждет его раскладной рояль
Он снимает саблю и треуголку
в тональности ля-бемоль
мажор нисходя к минору
минор восходя в мажор

...

Бетховен открыл зеркальный рояль
Свет втекал в него
как в Титаник течь
В черных клавишах была ночь
Он не то играл не то смотрел

...

Говорят что струны пронизывают весь мир
говорят галактика наша один рояль
где глухой Бетховен или слепой Гомер
повторяют один и тот же ночной хорал

Слепота начинается там
где свет переходит в звук
Глухота начинается там
где звук переходит в свет

Жизнь кончается там
где смерть переходит в жизнь

Смерть кончается там
где жизнь переходит в смерть

Галина Мальцева
ДООС – стреказелла

Наполеон, Жозефина и Россия

(бумага, смешанная техника).

Татьяна Бонч-Осмоловская

Doctor of Philosophy

Сидней, Австралия

ЗВЕЗДА СОВА

Моей дочери, которую от меня отделяют многие моря

«...и сова перелетела
по небу тихому от колокольни...»

В.А.Жуковский,
октябрь 1816 г.

*Можно читать
как по строкам,
так и по столбцам*

Когда	ты от	меня	вдали,	грусть -	печаль	уже	вползла,
Ты от-	ыщи	в лесу	тогда	сову,	и по-	смотри	в глаза.
Меня	в лесу	во сне	найдешь,	поймешь –	дожди	прошли	весной.
Вдали	тогда	найдешь	звезду,	она	зажглась	в ночи,	легка.
И грусть -	сову	поймешь –	она	заснет,	едва	луны	пройдет
печаль,	и по-	дожди –	зажглась	едва	звезда	мечты,	та грусть.
Уже,	смотри,	прошли	в ночи	луны	мечты,	а ты	сияй!
Вползла	в глаза	весной	легка, и	пройдет	та грусть,	сияй	всегда!

Композиция **Галины Якубовской**
(смешанная техника).

Сергей Бирюков

доктор культурологии
ДООС – заузавр
Галле, Германия

К МУЗЕ ЗАУМИ

я заострил свое лицо
тогда в начале девяностых
и картой мира как венцом
главу свою приправил остро

я попадал в разрывы слов
и фонетической слюной
я склеивал разрыв миров
звубуквицей сквозной

я пил заумное вино
и плыл по руслам книг
и я разматывал кино
назад не напрямик

ГИПОТЕТИЧЕСКОЕ

вдруг видишь рыбка проплывает
и тень от нее шевелит плавником
как будто книгу кто листает
там высоко и выше
над потолком
а то и над крышей
а то и над облаком
а то и выше
над небом самым
и только тень
сквозь небо мерцает
и кто-то там управляет им

ВОТ И ЕЩЕ

вот и еще одно лето
отлетело птицей
след – это пара рубцов
на сердце
перекрестье похожее
на прицел оптической винтовки
все-таки есть точные стр

«...так точность строгая писать повелевает,
и муза точности закон принять должна...»

В.А.Жуковский,
13-16 октября 1814 г.

Андрей Канавщиков

Великие Луки

Палиндром

Память о лете,
Алость зари,
Льющийся ветер
И сизари,
Небо высокое,
Далей алмаз,
Родина, солнце,
Осени час...
Многое – в нас!

23.11.2012

Осенний чай

(акро-палиндром)

Лето окончено снова,
Искры листвы невпопад
Светятся в лужах сурово,
Тихо чаинки дрожат.

Осень неловко согрела
Пресно заваренный чай,
Алыми листьями тлеет
Дней уходящих свеча.

Долго оплакивать нужно
Арфы изогнутым ртом
Позднюю липкую стужу,
Оставив покой на потом.

Тронув ветвей влажных чётки,
Стынет заваренный чай,
И шепчет листва обречённо:
Лето, забудь нас, прощай!

23.09.2012

Елена Кацюба
ДООС – libellula

Ваш личный демон

В душе каждого человека есть сумеречная зона, где царствует печальный демон. Мы чувствуем его присутствие, когда сожалеем о совершившемся или, наоборот, о несовершенном. Его дыхание смягчает горечь утрат и не прощенных обид, накидывает дымку на самое безоблачное счастье, придавая чувствам особую остроту. Но если он выходит из-под контроля, вырывается за границы своих владений, то человек погружается в отчаяние и безнадежность. Врач постарается изгнать демона лекарствами, священник – отпугнуть молитвой. Экстрасенс предложит «почистить ауру», а психотерапевт отправит вас в глубины подсознания и покажет, что там нет ничего, кроме детских страхов. Так или иначе, но каждый из них постарается доказать, что состояние подавленности не имеет никакого отношения к вам лично, что это со стороны, чуждое, случайное. Нет никакого демона, мешающего радоваться жизни. В мире все определено и четко. Свет – это хорошо, а тьма – плохо. Поэтому человеку надо сделать то, что сделал Бог вначале творения – отделить свет от тьмы.

Однако не стоит забывать, что, отделив свет от тьмы, Бог вовсе не уничтожил тьму. Так и в душе, созданной по модели всего мироздания, тьма и свет равноправны. В мозгу есть центр ужаса – «ад» и центр удовольствия – «рай». Кроме того, современная наука делит жизнь человека не на две, а на три части, три состояния – явь, сон и промежуток между сном и явью. Именно там область темного света и светлой тьмы, господство интуиции, зона прозрений и пророчеств, область фантазии, творческой свободы, не ограниченной моральными или социальными рамками. Именно там обитает ваш личный печальный демон. Возможно, понять его лучше всего поможет русская поэзия XIX века.

Обратимся к Василию Жуковскому, к его поэме «Аббадона». Это еще не демон. Он – ангел, падший, но не отпавший от Бога. Аббадона – это сгусток первозданных эмоций, не контролируемых разумом, ребенок творения, не мыслящий себя отдельно от ангельского сонма. Он не восстал против Бога, а был увлечен общим порывом, восторгом, когда восставшие устремились за Сатаной.

Вдруг Сатана их настиг, в колеснице, гремя
и блистая;
Звучно торжественным кликом зовущих
грянуло небо;
С шумом помчались рати мечтой божества
упоенных –
Ах! Аббадона, бурей безумцев от друга
оторван...
Тьмой божества отуманенный, взоров молящих
не видит;
Друг позабыт: в торжестве к полкам Сатаны
он примчался.

Аббадона быстро опомнился, но было уже поздно.
Райские врата закрылись для отступников.

Эдем у Жуковского – это несокрушимая твердыня света, для которой все сосредоточено в самой себе. Глаза серафимов, стоящих на страже небесных врат, обращены внутрь рая. Созерцая славу вечного Бога, они не видят тьмы. Аббадона у границ рая напоминает человека, стоящего в праздничный вечер у освещенных окон родного дома, когда-то покинутого. Из темноты он видит родных и близких, от которых отрекся, но те, заслоненные светом, его не видят. Он мог быть там, внутри, но теперь его удел – грустить об утрате. Такими освещенными домами представляются порой людям отдельные периоды жизни, где им было уютно и тепло. Для одних это островок личной, глубокой тайны, куда нет доступа посторонним, где можно отдохнуть душой, расслабиться, чтобы потом, вздохнув, вернуться к реальности. Другие же упорно не хотят расставаться с периодом детства или юности, где главными были дружба, доверие, мечты о будущем счастье. Во взрослом мире они ощущают себя заброшенными, преданными. Так тоскует Аббадона:

Вечно не быть мне любимым; увяньте вы,
тайные сени,
где мы беседой о бже, о дружбе сливались;
вы, потоки небес, близ которых, сладко
объямлясь,
мы воспевали чистою песнею Божию славу,
ах, замолчите, иссякните...

Этот печальный демон «тихий, бесстрашный, с унылым лицом» нередко проступает в облике человека, находящегося в депрессии, подталкивая его к самоуничтожению. Жизнь бесцветна, мысли ничтожны, а смерть представляется эмоциональ-

Федор Завьялов «Аббадона и ангелы». 1843 г.

ной разрядкой, яркой вспышкой, которая рассеет душевный мрак, привлечет всеобщее внимание. Так Аббадона видит планету, для которой настал час разрушения, и устремляется к ней, чтобы вспыхнуть и сгореть... «Дымом она разлетелась, но ах!.. не погиб Аббадона». Однако вселенский фейерверк, безопасный для бессмертного демона, для смертного нередко человека оборачивается физической болью, мукой и стыдом.

Аббадона презирает Сатану и его присных, с любовью и тоской глядя на небо. Демон Пушкина, летающий над адской бездной, полон ненависти к небу и презрения к миру. Это «дух отрицанья, дух сомненья». Но созерцая ангела, сияющего в дверях эдема, он испытывает умиление и раскаяние. Не случайно пушкинское стихотворение о мрачном и мятежном демоне называется «Ангел». В каждом демоне скрывается ангел, надо только уметь пробудить его. Ведь он чувствует красоту и потому способен переплавить депрессию в мощный творческий импульс. Так поэта Полежаева спасал в

тяжелые минуты «демон вдохновения» — «знакомец чудный», добрый гость с волшебными крыльями, который преображает тоску и уныние в яркие зримые образы. Духи празднословия, ненависти, клеветы, злобы стремятся вырваться из душевного ада, чтобы уничтожить «и солнце, и луну, и гордый небосклон». Но поэт находит в себе силы противостоять черной «стоэтажной» массе зла, делая зло видимыми для всех — в своих стихах.

Грозные тени заключены в нерушимые словесные цепи, им остается только рвать друг друга острыми когтями.

Но есть еще демон, который наполняет душу пустотой. Пустота — ничто, в ней обитает только ненависть. Это лермонтовский демон, знакомый нам лучше прочих, — «печальный демон, дух изгнания». В прошлом он тоже «чистый херувим», «первенец творенья», как Аббадона, но это взрослый ангел. Он участвовал в сотворении мира, жаждал познания, верил и любил. Его взору являлись «кочующие караваны в пространстве брошенных светил», ему

улыбалась бегущая комета, еще свободная лететь по своей воле, не заключенная в железную колею орбиты. Он живет воспоминаниями о времени, когда не было времени и ему не грозил «веков бесплодных ряд унылый».

Почему восстали ангелы? Потому что они были созданы, чтобы творить мир, а в сотворенном мире, по мнению первых строителей вселенной, исчезло творческое начало. Он замер, стабилизировался в своем совершенстве, что вызывает у демона презрение, ненависть и холодную зависть. На божий мир он смотрит, как на драгоценную безделушку, музыкальную шкатулку. Зачем было тратить столько сил и энергии на такую ерунду, которая только на то и способна, что играть из века в век одну и ту же мелодию? От бывшего ангельского величия не осталось и следа. Свое предназначение – творить зло – демон исполняет как скучную, рутинную работу: «он сеял зло без наслаждения». Ведь в этом идеальном механизме нельзя ничего изменить, невозможно нанести серьезный урон системе. Даже любовь не приносит ему радости.

Сначала, увидев Тамару, он вновь припомнил «святую любовь, добра и красоты»; но этого оказалось недостаточно, чтобы заполнить внутреннюю пустоту. Его главное желание – прорваться в космос и наперекор Богу сотворить там, в надзвездных краях собственную вселенную. Он обещает Тамаре новый,

свободный, вечно творящийся мир среди вольных комет и светил. Если кто-то чувствуете в своей душе «старинной ненависти яд» к миру, то ему надо вспомнить, что демону ничего никому не удалось доказать. Он только убил свою возлюбленную и снова остался один в полной пустоте. Возможно, мир действительно устроен не так, как нам бы хотелось, но отвергающий из-за этого жизнь рискует превратиться в скучного брюзгу и мелкого пакостника. Помните, что у демона особое положение в мире: он абсолютно свободен и в отличие от нас, людей, не может быть наказан за преступления. Аполлон Майков писал, что между демоном и ангелом идет вечный спор за человека, однако выбирает все-таки человек: «Но торжество кому ж уступит / в пыли рожденный человек? / Венец ли вечных пальм он купит / иль чашу временную нег?»

Когда-то считалось, что сам дьявол искушает человека, мечтая завладеть его бессмертной душой. Двадцатый век показал, что скорее человек искушает дьявола, желая продать душу не только за «чашу временную нег», а просто ради самой возможности творить зло. Но это для тех, кто одержим манией безгранично повелевать людьми, властвовать над миром. У обычного же, нормального человека есть свой демон, которого открыла и поняла русская поэзия. Это бывший ангел, и для него любовь, добро и красота по-прежнему святы. В нем в отличие от Сатаны, ан-

Радуга Жуковского

Вий
свой кусок скуки жуй
вой
Вижу –
Жуковский
живой!

гельского больше, чем дьявольского. Он заставляет нас страдать, потому что страдает сам, как Аббадона у врат рая. Посмотрите на его без страха и научитесь жить с ним в ладу, ведь он, по словам поэта, «так прекрасен, так лучезарен и могуч!» Он не дает человеку уснуть душой, побуждая его постоянно делать выбор между добром и злом.

Впрочем, не надо забывать, что «Аббадона» — это вольный перевод эпиграфы «Мессиады» немецкого поэта Ф.Г.Клопштока.

А самому Жуковскому ближе все-таки ангел — ангел надежды, ангел вдохновения, ангел — добрый вестник. Поэтому здесь я хочу, кроме новых визуальных стихов, поместить два своих давних, вполне «ангельских» текста.

Собор

(палиндром)

Робости щит — собор,
тише туч утешит.
Не шабашу душа башен,
а ниши тишина.

Зори — себе, но вера — зарево небес и роз,
а те в сини света
и в яви.

Но взлетала мольбы зыбь, ломала тел звон.
Яр атлас алтаря,
далече в свече лад,
а ладану луна дала.

Лег на храмы дым. Архангел
невидим и дивен,
а вон слепил и пел снова:
«Миров огонь, но говорим
еще веще...»

Голубь

Раздирает землю пернатый стон,
а небо — тоска нелетанья,
потому что в моем дыханье
голубь живет.

Выдох — его полет,
вдох — его возвращенье.

Я говорю: «Лети!» —
и он взлетает.

Я кричу: «Вернись!» —
и он падает вниз.

Отвергнут он миром птиц,
во мне гнездится.

Я бы его отпустила,
но как

с дыханьем своим проститься?

Распят он в моей груди,
клювом клонится к сердцу.

Я ему говорю: «Иди!»

Но почему-то мы вместе летим
в окно разверстое.

И мне не надо кричать «вернись» —
пугливое заклинанье.

Уносит голубь меня в мир птиц
на моем дыханье.

«И что ж покажет, что мы жили,
Когда все время рушит так?..»

В.А.Жуковский, 1798

Бахытжан Канапьянов
Алматы, Казахстан

ЗНАКИ

На этом камне, где к утру роса,
Я познавал рунические знаки:
Вот вертикаль, виктория с конца –
Четвертый век – когда исчезли саки.

Сменял пергамент кожный пергамин,
А следом эра рисовой бумаги,
Но камень вечен, знаками храним,
Что высекли первопроходцы-маги.

Вот знак флажка – успешным будет путь,
Вот знак изгиба – верная дорога.
Я постигал руническую суть,
И в этом видел я веленье Бога.

Вот знак – как перевернутое «И»,
Он снимет чувство замкнутого круга.
Энергию свою ты им храни,
Под знаком этим выйти из недуга.
Вот знак угла – увижу в нем ландшафт,
В садах на склоне гор не тает иней.
Я вспомню детство: мама вяжет шарф
Из шерстяных мне непонятных линий.

Магический гальдстраф¹ от камня и до звезд,
В нем виден знак судьбы из ритуальной ночи.
Мне под защиту рун свой занести вопрос,
Преодолеть себя до терапии точек.

¹ Гальдстраф – магический рисунок в комбинации нескольких рун в одном изображении.

«И в высоте, фонарь ночной, луна
Висит меж облаков и светит ясно,
И звездочки в дали небесной брезжут...»

В.А.Жуковский, октябрь 1816

Светлана Михеева

Иркутск

Бог погасил фонари вокруг нас
И оставил наедине с дорогой.
Он попытался скрыться,
Принимая облик феи,
Но неловкий полет
Выдал его.

Зеленое сердце светофора забилося
И осветило колеблющийся воздух.
Мы смотрели, как мир
расправился и задышал,
Лишенный слов.

Опыты цвета – то жаркий, то сладкий –
Приучили нас ничего не принимать на веру.
Буквы приручили нас
Как собак
По команде подавать голос
и делать стойку.

Днем мы строимся в ледящем порядке,
Готовые с боем вырвать кусок славы.
Хотя она уже ничего не стоит,
Хотя она – как избыточный вес,
Хотя на нее нет спроса.

Когда замолкают дневные
Голоса тишины,
Когда чудовища умиротворяются
И засыпают в подушечках наших пальцев,
Можно оставить в прихожей пальто
И выйти к свободе.

Бог погасит фонари вокруг нас
И оставит наедине с дорогой.
Он попытается скрыться,
Принимая облик феи,
Но неловкий полет
Выдаст его.

Александр Карпенко

Сердечное

Если твоё сердце не вынесет горя,
Отдай его сердечных дел мастеру, –
Пусть он перекуёт его,
Семь раз проверив на прочность.

Если сердце твоё не вынесет счастья,
Разлетится на куски брызгами радости,
Из него выпорхнет певчая птичка,
Потерявшая голос в прошлой жизни, –
И превратится в белую скрипку,
Которой невыносимо хочется петь;

А когда ты проведёшь пальцами
По её глиняному грифу, ты поймёшь,
Что в руках твоих вовсе не скрипка,
А любимая женщина;
От избытка счастья с ней
Треснуло по швам твоё шёлковое сердце, –

То самое сердце, что говорило о ней
Как о своей гостье из будущего,
И вечерами при свечах
Любило повторять загадочную фразу,
Навеянную классиками:
«'Любовь – это рубашка,
Что дана нам на вырост».

Библия больше меня

библия больше меня
но познав по-библейски женщину
я становлюсь меньше себя
библиофилом с расширенными зрачками

дерево растёт вверх и вниз
но подземный рост важнее
дерево дышит корнями
листья – только его зелёное платье
его театральное представление
а пестрой изобильной осенью
деревья демонстрируют миру боди-арт

дерево больше меня
но когда-нибудь
я тоже стану деревом.

Карл Готлиб Пешель «Лесной Царь», 1840 г.
Фрагмент росписи в замке Бельведер вблизи Веймара.

Ольга Адрова
ДООС – рок-стрекоза

– ЧТО? – ЧАРА!

*Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф...*

Что такое в поэтике Николая Гумилева озеро Чад? Это неважно. Это чудо, о котором он рассказывает жене Анне. У нее же было свое чудо: ее бессмертная перчатка — «Я на правую руку надела / перчатку с левой руки».

Что такое поэзия? Чара, где мы вступаем в лабиринт неведомого. Разбирая «Два лесных царя» — русский перевод Жуковского и оригинал Гете, — Цветаева говорит: «Вещь Жуковского на пороге жизни и сна, видение Гете целиком жизнь или целиком сон...»

«Ч» — чувство чуда, чара... НеобыЧное, необыЧайное. Поэты это осознают. У Гумилева озеро Чад, у Константина Кедрова «необыЧайный домик из Ч а я, где Ч а й не пьют, а поют, и ви-тают от Ч а я

к Чаю... Я сказал Чаю: — Чаю воскресения мертвых, — и отвечал Чай: — Аминь!». Ему вторит Елена Кацюба: «Человек перед Чудом исЧезает совсем — ЧУДО!»

Буква «Ч» — словно символ чары, символ парадокса, а что такое чудо, как не парадокс?! — звучащий у Пушкина как «унылая пора — оЧей оЧарованье».

«Ч» в начале века, словно в унисон с «Черным квадратом» Малевича, звучит у Есенина и у Цветаевой. У Есенина в его «Черном человеке», где разбитое зеркало в финале, словно провал в черный квадрат Малевича; в цветаевском эссе «Черт» («не тьма-зло, а тьма-ночь, тьма — все»), где черный цвет — цвет поэтической свободы, и о двух Лесных Царях, где царь уносит спящего ребенка, причем, Цветаева замечает: «сказка Жуковского страшная, но сказка, а после гетевской не-сказки жить нельзя так, как жили! В тот лес! Домой!»

«Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?»

«Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:

Он в темной короне, с густой бородой».

«О нет, то белеет туман над водой».

Видение Лесного Царя у Жуковского не демоническое: «Даже удивляешься, чего ребенок испугался? Разве что... короны, разве что... – проговаривается Цветаева, – силы любви?» Здесь ей кажется особенно значительным то, что в переводе русского поэта Царь стар, в подстрочном переводе поэтессы – существо без возраста.

Вот они, нечаянные встречи (отчаянные – в цветаевском «Молодце», где Маруся отпирается: «Была? Видела? НЕТ!» – ей нравится существо «не от мира сего», воплощающее в себе силу недобрую, но уносящую ОТ людей, ИЗ этого мира, – и этого ей пока достаточно).

Цветаевский «черт» из одноименного эссе поэтессы уже более анекдотичен, он принимает черты то куклы, то собаки-дога, смыкаясь с «Черным человеком» Есенина, в которого можно, совсем по-мариенгофски, запустить тростью, останется разбитое зеркало, словно переходящее в финал набоковской «Защиты Лужина».

В нашем поколении буква «Ч» прозвучала в таинственной атмосфере «ночи» Виктора Цоя, «ночи спокойной» для одних и полной творческой энергии для других (вполне реалистичная зарисовка 80-х, да каких угодно рокерских лет!), ночи, которая неизбежно разделяет тех, кто молчал, и тех, что «перестали молчать».

Буква «Ч» – неизбежные четки поэзии, традиционное испытание, от которого невозможно отказаться.

Для меня буква «Ч» означает «через».

Через двух великих классиков, через могильных червей шекспировского «Гамлета» и «чуму» Пушкина... Через эти две неизбежные мистерии, и так далее, но – все-таки через:

В свой черед,
 черед,
 черед
Черный черт нас заберет,
И пойду я за тобой,
Или ты пойдешь за мной:

Через, через, через снег,
Через наш червивый грех,
Через черный наш овраг,
Через наш взаимный страх...

Татьяна Виноградова

ВРБ

– Безумный король, где твоё королевство?
– В ночных небесах – там корона моя,
В ночных голосах – не из этого мира,
В шорохах, шёпотах, блёстках эфира
По ветру мантия вьётся моя!..

– Несчастный король, где твоя королева?
– Вот, на руках я её укачал.
Просто уснула. – Устала, наверно.
Завтра опять у нас бал.

– Бедный король, снов и грез повелитель!
Нет, не с тобой королева твоя.
За морем слез суждена ей обитель.
Лучше я знаю. И правлю здесь я.

– ...Да, дорогая? У нас завтра бал?
Какую звезду в фероньеру ты хочешь?
– Безумец, давно ты её потерял!
Стала звездой она в пропасти ночи!

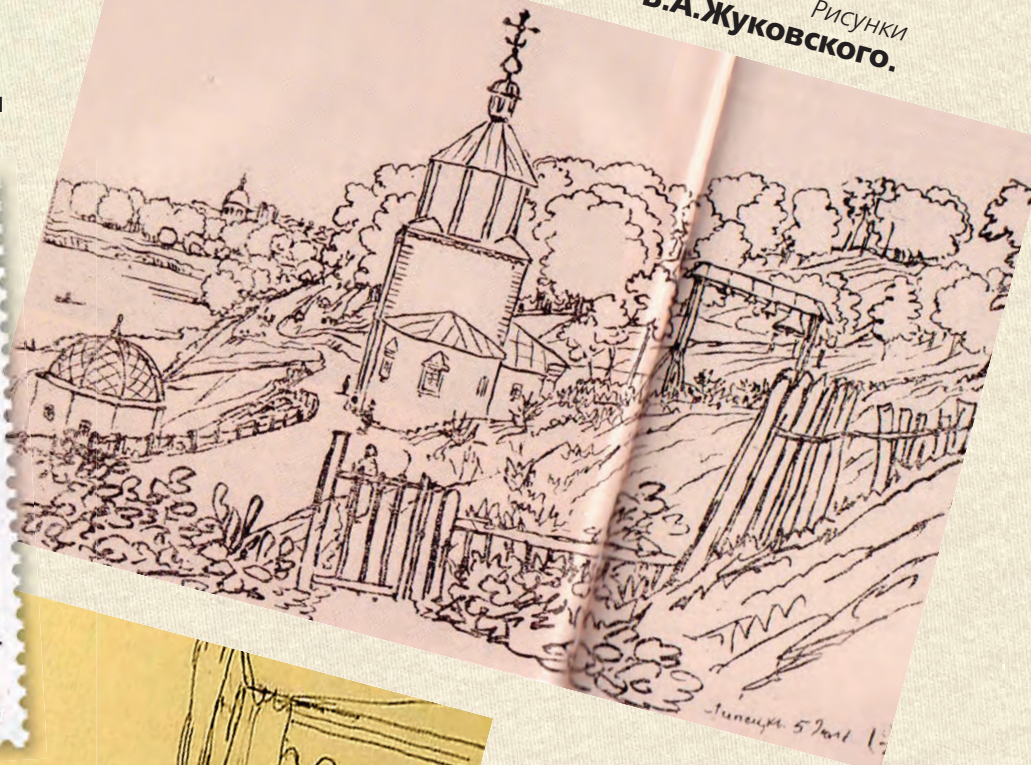
...Мёртвую куклу с улыбкой качая,
Счастлив, спокоен, сидя в ночи
На троне среди разорённого края.
Лунным сияньем окутан, молчит.

Здесь ПОбывал В.А.Жуковский
во время путешествия
по России с наследником
цесаревичем Александром
в 1837 г.

Рисунки
В.А.Жуковского.

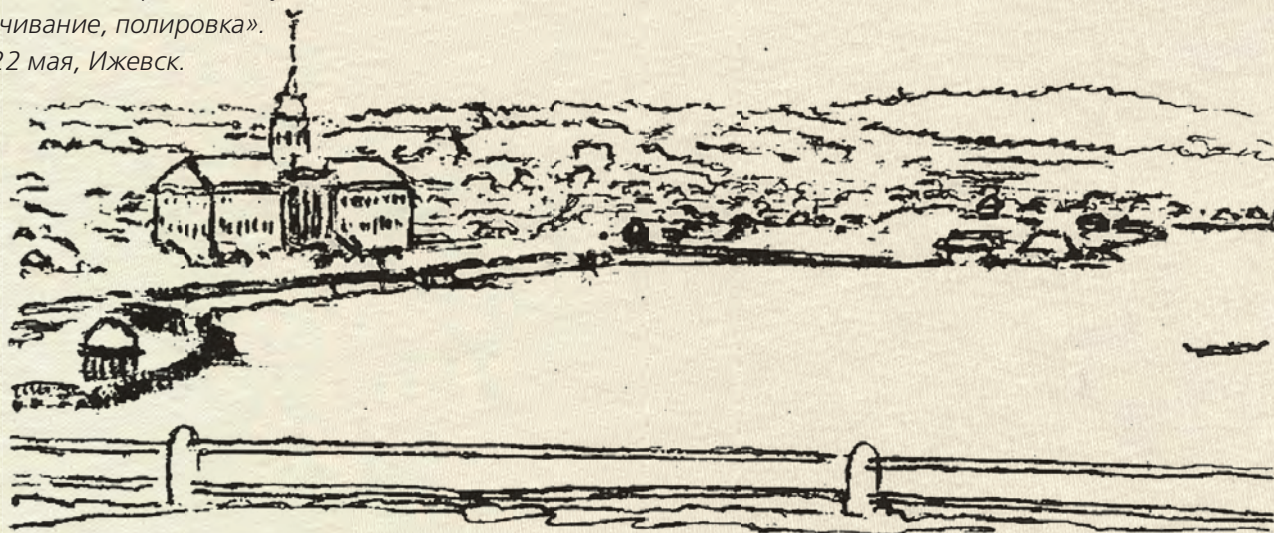

«Липецк вдали на горе,
покрытой пашнями. Внизу
село с каменной церковью.
Липецк весьма красивый
город на высоте. Прекрасно
обстроенная Дворянская улица
для приезжающих лечиться...»
4 июля, Липецк

«Кричное производство,
пудлингование, стальное, якорное,
плющильное, оковка лафетов».
23 мая, Воткинск.

«Вытягивание, загибание,
сваривание, сверление. Шустение,
обтачивание, полировка».
21-22 мая, Ижевск.

Татьяна Скрудзь

Липецк

Бабочка

Перерождение чудовища разрешилось.
Бабочка вылупилась.
Села на яблочко,
хотела откусить, и вдруг поняла,
что перестала быть гусеницей.

Осень 13-го

Настоящая осень правдива.
Серо-бордово-ультрамаринова.
Тишина перед бурей: кап, кап, кап.
Складываю стихи в шкаф.
Складываю сердечную вязь в сундук.
Призраки юности в дверь мою: тук, тук, тук.
Кондук-
Тор вынимает топор:
«Платите, мадам! Саночки-то износили».
Музыка осени –
Requiem for a dream –
виолончелит по всей России.

Андрей Гоголев

Ижевск

Рациональные числа

По другую сторону мысли
едешь в автобусе
и чешешь рукою стекла наледь,
чтобы лучше видеть
рациональные числа.
Болит память.
Потом ты сидишь, выливая в улыбку мартини,
там, где делают вид, что давятся,
и тот, кто с тобой не забыл представится
Квентином Тарантино.
Я сыт этим серпантинном
и, заранее, книгами, что недавно вышли.
Мне слышится слово «испортил» и слово
«скотина»,
но
по другую сторону мысли.
Я выучил наизусть гудки телефона,
и мог бы дать каждому звуку имя,
если бы он был хоть чем-нибудь зарифмован.
В лучшем случае зарифмован словами.
Словами твоими.

Александр Корамыслов

Воткинск

Избранные танкетки 2009-2011 гг.

*

отдых
на природе

сосна
кора мыс лов

*

все только
за любовь

и никто
не за быт

*

аввакум
королю

*

23 октября 2010 г. в Ижевске
Эмиру Кустурице
было присвоено звание
«Почётный удмурт»

эмир
кустурится

*

подруг
симпозиум

друзей
коллоквиум

врачей
консилиум

теней
элизиум

*

50-летию ракетного
производства
на ГПО «Воткинский завод»
посвящается

между
континентов

*

шелестят
Тополя

*

конь блед
игогоре

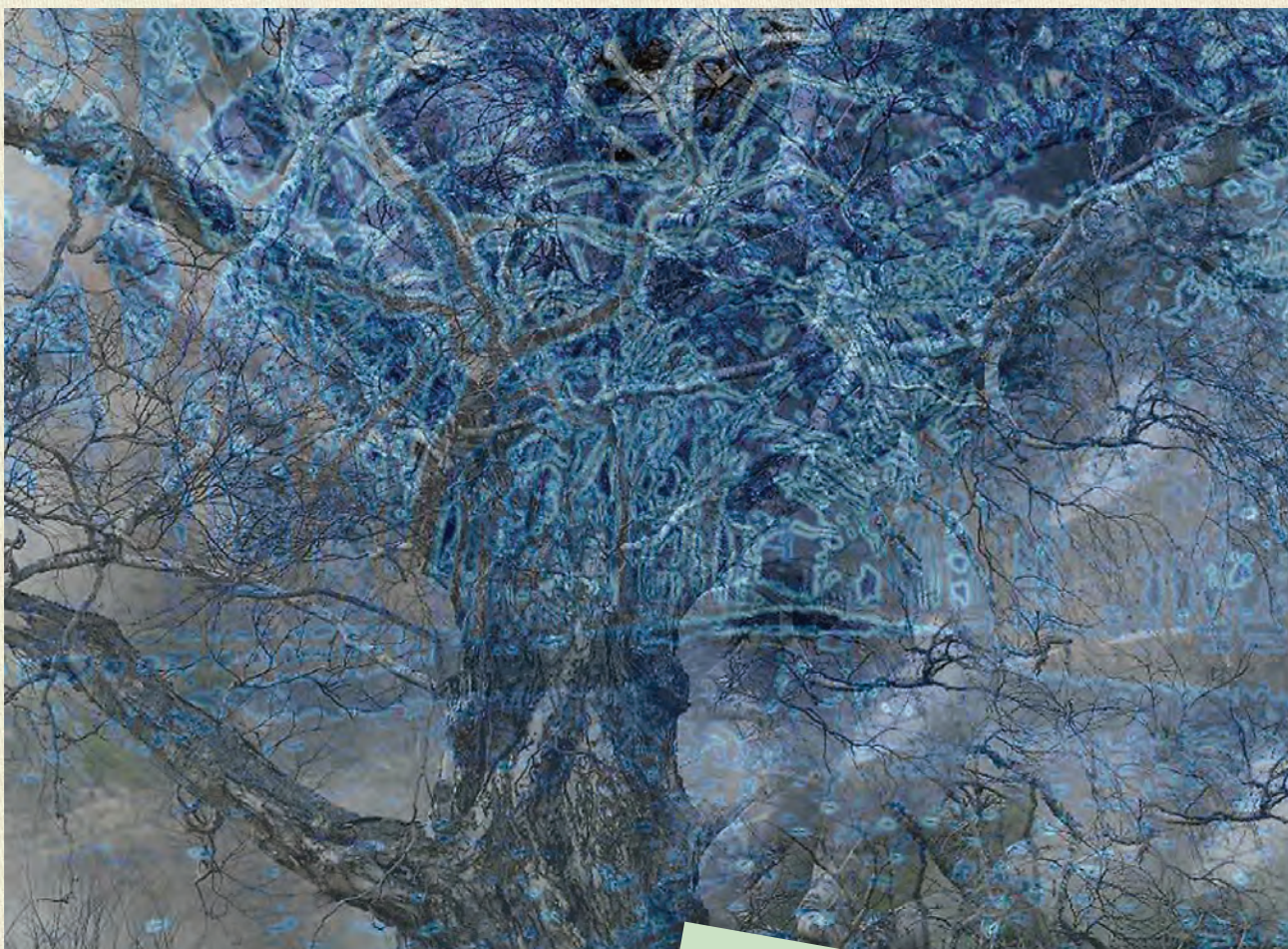
*

пегас
игогоречь

*
сплю с бездной
любезной

*
бег в мешках
от судьбы

*
эзоп
баснословен

«Луна, по облакам разлей струи златые,
Когда и дебрь, и холм, и лес в тумане спят...»

В.А.Жуковский, 1808.

Евгения Баранова

Севастополь, Украина

И летят голоса

И летят голоса, что птицы с твоих карнизов.
Мир суров, как Суворов.
Как Пушкин на полотне.
Не печалься, котенок,
ты тоже не будешь издан,
потому что героев — не издают вдвойне.

Потому что герои — плывут и плывут наружу,
как вексель под жабрами скапливая века.
И если ты
— болен
— жалок
— смешон
— не нужен

то в этом есть скрытый смысл.

Наверняка.

Он спрятан на дереве, в море, под облаками.
Его стережет Горыныч, друзья, ОМОН.
Тебя наградят — не справками, так венками.
Тебя наградят — коронами из ворон.

И будешь ты свят.
Оэкранен самим Сизифом.
И будешь ты — рекламировать кофе.чай.
Когда ты уйдешь,
тебя тоже испортят мифом.
Не думай. Не кайся. Не сплетничай.
Не прощай.

Владимир Шемшученко

Всеволожск

По отвесной стене

1

Машет крыльями вьюга, и, перья ломая, кружится,
И отчаянно бьётся в колодце двора, как в силках.
Я тебе помогу, моя сильная белая птица,
Подожди... Я сейчас... Я тебя понесу на руках.

Я узнал тебя, птица... Зачем ты сюда прилетела?
Кто оленей пасёт и гоняет по тундре песцов?
И какое тебе до меня неотложное дело,
И до города этого, где даже воздух – свинцов?

Я тебя пожалею – добром за добро рассчитаюсь...
Помнишь, как ты меня превратила в большущий сугроб...
Я по воле твоей три недели уже прохлаждаюсь...
Здесь тепло и светло, а меня колошматит озноб.

Я сейчас поднимусь... Крутану на оси этот шарик...
И качнётся палата... И сдвинется с места кровать...
И вернётся хирург... Он был явно тогда не в ударе,
И кричал на меня... А вот руки не стал пришивать.

2

Белый день. Белый снег.
И бела простыня.
Бел, как мел, человек –
Он белее меня.
Он лежит на спине,
Удивлённо глядит –
По отвесной стене
Страшновато ходить.

«Помолчите, больной. Не дышите, больной» –
Говорит ему смерть, наклоняясь надо мной...

3

Меня спросили: «Кем ты был?»
Я не ответил – я забыл.
Меня спросили: «Кем ты стал?»
Я не ответил – я устал.
Меня спросили: «Чем ты жил?»
Какому Богу ты служил?
Какого сына воспитал?
О чём несбыточном мечтал?»
Жена в глаза взглянула мне:
«Как страшно ты стонал во сне...»

«...когда настала глухая полночь, сад весь
облеснуло как будто молнией... От востока
быстро летит жар-птица, огненной звездой
блестя и в день преобразая ночь».

В.А. Жуковский
«Сказка об Иване-царевиче
и Сером Волке»

Виктор Клыков

ДООС – австрозавр

Вена, Австрия

Жар-птица над Веной

Над городом Вена
жар-птица
стремителен птицы полёт
в полнеба распластаны крылья
огнём полыхает Восток.

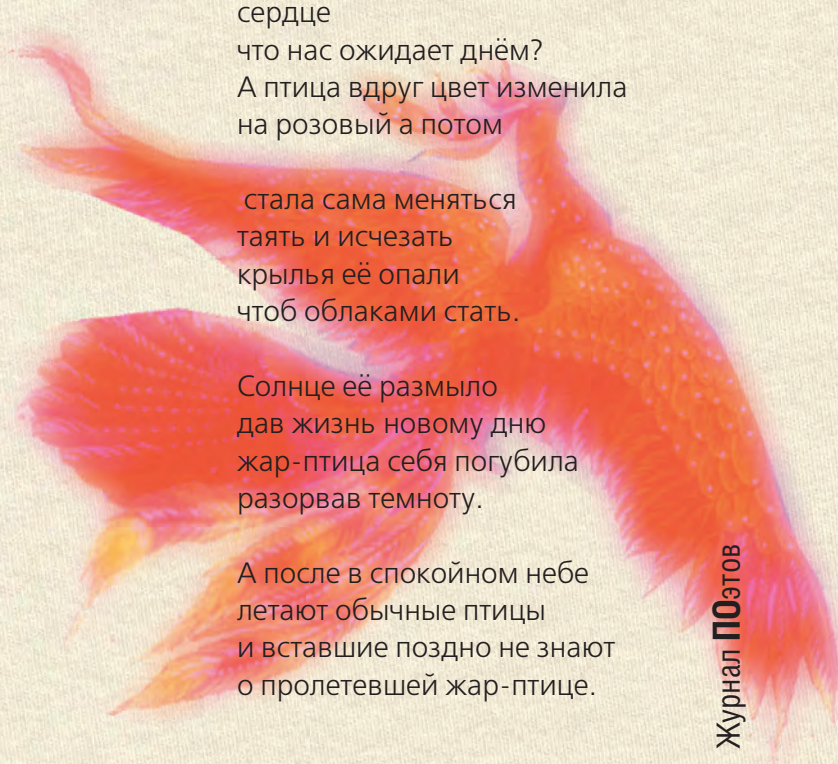
Покров темноты разрывает
клюв
вытянутый вперёд
и темнота отступает
впускает света поток.

Тревожно вздрогнуло
сердце
что нас ожидает днём?
А птица вдруг цвет изменила
на розовый а потом

стала сама меняться
таять и исчезать
крылья её опали
чтоб облаками стать.

Солнце её размыло
дав жизнь новому дню
жар-птица себя погубила
разорвав темноту.

А после в спокойном небе
летают обычные птицы
и вставшие поздно не знают
о пролетевшей жар-птице.

Екатерина Зброжекглавный библиотекарь
библиотеки им. В.А. Жуковского (Москва)

Философские взгляды В.А. Жуковского

Василий Андреевич Жуковский – живое воплощение того, что талантливый человек, талантлив во всем. Гениальный поэт, переводчик, педагог, талантливый художник, он был кроме того незаурядным мыслителем, внесшим свой вклад в развитие этической, эстетической, историософской проблематики в России. Конечно же, Жуковского нельзя назвать философом в академическом смысле этого слова. В то же время, как мы прекрасно знаем, философия в России – это совершенно особенное явление, поскольку в России, как отмечал А. Ф. Лосев, «художественная литература является кладом самобытной русской философии. В сочинениях Жуковского и Гоголя, в творениях Тютчева, Фета, Льва Толстого, Достоевского, Максима Горького часто разрабатываются основные философские проблемы». Василий Андреевич Жуковский, пожалуй, самая мало изученная фигура из этого ряда. Что мы вообще знаем о философе Жуковском? Тут стоит отметить, что хотя сам Жуковский очень низко оценивал уровень своих познаний в философии: «Я совершенный невежда в философии. На старости лет нельзя пускаться в этот лабиринт: меня бы в нем целиком поглотил минотавр немецкой метафизики, сборное дитя Канта, Фихте, Шеллинга», – нельзя сказать, что он был полным невежей: он был знаком с философией просветителей, читал Фихте, Шеллинга и Канта, знал, видимо, по пересказам Киреевского и Хомякова о теоретических построениях Гегеля. Между тем, в 1816 году философский факультет Дерпского университета удостоил Жуковского почетного звания доктора философии. В 1844 году Жуковский начал работу над книгой прозы «Мысли и замечания». В 1850 г. он задумал написать на основе этой книги философскую работу под условным названием «Философия невежды». Название произведения отражало не только степень осведомленности автора в вопросах философии, но и уровень развития философии в России в целом.

«Наш философский язык вообще еще весьма беден и неопределен. Этому причина то, что у нас еще слишком мало оригинальных философских сочинений. Наши мыслители для выражения собственных идей вынуждены заимствовать выражения у философов иноземных, особенно у немцев. Немецкий язык удивительно удобен для построения новых

П. Соколов.
Портрет
В.А. Жуковского.
1820-е.
Бумага, акварель.
Музей Тропинина,
Москва.

слов. Он по природе своей язык философический, он погружен в глубину мыслей до самого дна ее и схватывает все оттенки, отчего часто бывает темен». Философские эксперименты М. Хайдеггера показывают, насколько Василий Андреевич оказался прав в своих рассуждениях о немецком языке. К сожалению для нас, из-за своей кончины Жуковский так и не успел закончить «Философию невежды». Но нам остались «Мысли и замечания», а также многочисленные дневниковые записи, статьи и, конечно же, поэтические произведения, по которым мы можем восстановить философские воззрения этого крайне интересного мыслителя.

Прежде чем перейти к рассмотрению основных проблем в философии Жуковского стоит обратить внимание на методологические аспекты его понимания сущности и задач философии. Здесь, на наш взгляд, важными являются два аспекта. Во-первых, тесная связь философии и религии. В этом вопросе Жуковский фактически согласен с Гегелем, что предмет у философии и религии одинаков, и только методы его постижения различны. «Философия и религия не только не исключают одна другую, но необходимы вместе. Что есть философия? Применение религии к жизни здешней». Во-вторых, резкое разделение философии на практическую и умозрительную. Вопрос о соотношении умозрительной и практической философии – один из важнейших и принципиальных в системе воззрения Жуковского на цели и задачи философии, источник его конкретных оценок. Для Жуковского философия неразрывно связана с практической моралью и именно поэтому еще в начале 1820-х годов он последовательно выступает против увлечения аб-

страктной немецкой философией (т.е. в том числе и против Гегеля, с которым он так хорошо сошелся в вопросе соотношения философии и религии). «Всякая умозрительная философия извлекает понятия из ума; от ближайшего она переходит к дальнейшему и так возвышается до понятия о Боге. Это понятие есть всеобщий результат умозрения». И такое понятие Бога как результат поисков умозрительных философов Жуковского не устраивает, поскольку такое понятие абсолютно пусто и не дает человеку никакого представления о смысле и целях его существования. «Метафизический Бог есть идея, эта идея может быть утешительной для некоторых, но не для всех». Именно поэтому этому абстрактному «Богу ученых и философов» (по выражению Паскаля) Жуковский противопоставляет живого христианского Бога, а немецкому идеализму — христианскую философию: «Христианская философия, напротив, извлекает все из понятия о Боге: понятие о мире, о человеке, об отношениях человека и мира, здесь умозрение неразлучно с жизнью, входит в нее, именно поэтому христианская философия — это практическая философия, и она, в отличие от умозрительной философии, для всех».

Путь Жуковского к признанию неоспоримого приоритета христианской философии над всеми остальными типами философствования не был простым. В начале своих духовных поисков он находился под большим влиянием философии романтизма. От этого влияния он, на наш взгляд, не избавился и до конца жизни, особенно в том, что касается его взглядов на гения и творчество.

Романтики были озадачены поисками единства мира, утраченного за шелухой тысячи текстов и слов современной культуры. Поиски единства превращаются в попытки возродить пластически-поэтическое видение мира, которым жила античность. Это порождает особый интерес романтиков к поэзии (Гёльдерлин, Шеллинг) как некоей изначальной философии, а также к религии и искусству, как сфере изначального порождения смысла, утраченного тождества между смыслом и бытием.

Одной из самых главных черт романтизма была тотальная эстетизация бытия, попытка видеть в искусстве первооснову мира, а в природе — бессознательное проявление духа. Такое понимание, как нетрудно заметить, уходит своими корнями, несомненно, в «Критику способности суждения» И. Канта. Но романтики не просто доводят до логического конца кантовское понимание искусства как посредника между миром вещей в себе и вещей для нас, между миром свободы и жесткой необходимостью, но и придают ему статус некой высшей реальности. Романтики абсолютизируют художественное творчество как главный путь выражения всей полноты человеческого Я и реализации его свободы.

Важное место в эстетике романтизма занимает учение о гении, в котором опять-таки прослеживается влияние кантовских идей. Согласно Канту гений — единственный человек, способный соединить в себе мир ноуменальный и феноменальный, свободу и необходимость. Творческая деятельность свободна, и в то же время подчинена при-

Дерптский университет в первой половине XIX века.

нуждению, сознательна и бессознательна, преднамеренна и импульсивна.

Художественное произведение всегда создано на основе замысла и в этом смысле оно необходимо, но в то же время на выходе художественное произведение всегда больше того, что автор изначально хотел сказать, и потому свободно. Гений воплощает в чувственных образах эстетические идеи, которые нельзя исчерпать никаким понятием и которые дают множество поводов для гармонического взаимодействия рассудка и воображения.

Попытки романтиков достичь целостности мира, проникнуть при помощи гения на уровень трансцендентного, выразились в исканиях Жуковского, с одной стороны, в стремлении к бесконечному, а с другой – в непреодолимом чувстве меланхолии. Чувство меланхолии присутствует в большинстве стихотворений 1800-1810 гг. Это ощущение бренности мира привело его к этической доктрине близкой кантовской этике долга. «Самое деятельное лекарство от огорчения есть занятие», – писал Жуковский в 1813 г. Следовать своему долгу, своим служебным обязанностям – вот назначение человека. Счастье же мимолетно и скоротечно. Другим средством преодоления меланхолии для Жуковского уже в поздний период его творчества стала вера.

Эстетические взгляды Жуковского представляли собой синтез романтических взглядов на гения и христианской философии. Цель искусства в творении, но цель творения заключается в истине, и чем ближе к божественной истине, тем прекраснее произведение искусства. «Верх искусства, когда его идеал есть Бог», – пишет Жуковский в своем дневнике. Гений – тот тот, кто при помощи своего творчества постигает божественную истину, а не просто свободно творит на основе своего бессознательного, как то было для западноевропейских романтиков. Но в то же время гений, по Жуковскому, одновременно выражает романтический идеал гармонического целого: «Для него нет беспорядка, все входит в состав одного целого... гений более выражается в плане создания целого». Гений не может творить совершенно нового, поскольку его воображение ограничено имеющимся у него материалом. «Человек, творя, осуществляет свою идею, но материал для ее осуществления он заимствует уже из окружающего его творения Божьего». Это главное, что не смогли заметить романтики, для них Творец и был Бог, для Жуковского же человек, не нашедший Бога, не возвышающий душу до божественного идеала, не может быть истинным творцом. Несмотря на то, что творчество безусловно, это самое прекрасное, что дано человеку. В человеческой душе взаимодействует несколько способностей. «Ум есть самая низшая, но в то же время и самая многообъемлющая способность души нашей, низшая, поскольку ум не способен произвести ничего из себя самого, а только берет материал из внешнего мира. На второй ступени иерархии способностей души идет воля. Воля располагается выше ума, поскольку она свободна, но все же действия ее ограничены возможностью принять или не принять нравственный закон. Высшей же способностью челове-

ской души является творческая способность, «поскольку ее действия не следуют никакому внешнему принуждению и наиболее отражают божественное происхождение души человеческой, которого признак есть сие стремление творить из себя». Творчество ничем не ограничено, поскольку не нуждается ни в каком внешнем поводе для своего осуществления. Высшим искусством для Жуковского, как нетрудно догадаться, является поэзия, поскольку слово поэта «прямо из души переходит в форму материальную. Все остальные искусства ни что иное как поэзия в разных видах».

В связи с тем, что Жуковский признает, что творчество всегда уже ограничено имеющимся материалом, поступающим к человеку из вне, перед поэтом встает проблема подражания. В Античности и в классической эстетике было принято считать, что любое творчество есть подражание природе. Однако насколько творец действительно подражатель и где в таком случае проявляется его творческая свобода? Жуковский видел в подражании не простое копирование, а активный творческий акт. Поэт, подражая природе, пересоздает ее, творит свой собственный мир по законам красоты. Дело в том, что только духовно одаренная личность способна разглядеть в природе источник прекрасного и преобразить ее своей творческой фантазией.

Поскольку для Василия Андреевича настоящее искусство с необходимостью должно быть приближено к религиозному идеалу, перед ним встал вопрос о нравственной пользе искусства в целом и поэзии, как высшего вида искусства в частности. В статье с аналогичным названием «О нравственной пользе поэзии» (перевод из Энгеля, опубликованный в 1809 году) Жуковский в целом оспаривает ту точку зрения, что предназначение поэзии – учить добродетели. «Стихотворцу не нужно иметь в виду непосредственное образование добродетелей, – пишет он, – нравственное чувство не есть единственное качество души, которое он может усовершенствовать: оно принадлежит к целой системе разнообразных сил человеческого духа, совокупно могущих быть приводимыми в действия или возвышающими». Это вовсе не значит, что поэтические произведения должны быть аморальны или призывать к пороку. Жуковский просто хочет сказать, что поэзия не должна скатываться до уровня морализаторства в ущерб художественному мастерству, ее задача не воспитывать и не учить, а влиять на наши чувства, при этом не вступая в конфликт с моральными нормами. «Поэт должен усиливать воображение не со вредом рассудку, давать остроумную пищу, но только не за счет добродетелей общественных». Идеалом Жуковского было такое искусство, которое в равной мере отвечало вкусу эстетическому и запросам нравственного суда, причем последние не могли, по его мнению, удовлетворяться иначе чем через эстетическую природу художественности. Именно такое искусство было ближе всего к Божественной Истине. Поскольку сила художественного слова необыкновенно велика, то поэт всегда несет ответственность за сотворенное им перед своим читателями.

Жуковский разрабатывает и свою собственную философию

На берлинских баррикадах, 19 марта 1848 г.

«Опьянение слишком сильное и всеобщее, возмутители всюду и на всех пунктах, и тайно и явно действующие, не дают образумиться... а власть хранительная и обуздательная парализована».
В.А. Жуковский, 1848 г.

фию истории, рисуя довольно поэтическую картину человеческого общества, его духовную историю. Сначала первобытное стадо организуется в семейства. «Из семейств составились народы. Народы завладели землей. Долго происходил бой за материальные владения и определение границ и об установлении порядка в этих границах. Но с революцией французской началось новое развитие. Книгопечатание получило новый вес, из общества материального образовалось общество умственное, не разделенное на народы, но одно объемлющее весь мир образование».

Насколько можно понять из приведенной цитаты и дневниковых записей, в вопросе о начале человеческого общества Василий Андреевич разделял гоббсовскую идею борьбы всех против всех. Так он пишет в своем дневнике: «Человек вышел из состояния натуры, в котором он враждует со всем окружающим и вошел в состояние гражданства, в котором он друг и помощник и защитник своего согражданина, обуздав свою вредоносную волю законом». Из приведенной цитаты видно, что Жуковский поддерживает идею Гоббса о том, что человек по природе своей зол, и что в естественном состоянии люди жили в постоянной борьбе друг с другом. И лишь государство, обуздав злую человеческую волю законами, смогло ввергнуть его в гражданское состояние.

Однако, Жуковский, соглашаясь с английским мыслите-

лем в этом пункте, дальше по всем пунктам расходится с ним. Так он ни в какую не согласен признать теорию общественного договора, считая эту идею опасной химерой, которая привела европейские народы к кровавым ужасам революций 1848-1849 гг., невольным свидетелем которых Василию Андреевичу пришлось стать.

Любопытно, что, как и Кант (о чем сейчас очень модно говорить), Жуковский являлся предвестником Организации Объединенных Наций. В частности он писал: «Главное средство к тому [возможности благоденствия в обществе] утверждение человеческого договора между властителями и подданными (но все-таки не в рамках теории общественного договора, а скорее в рамках пресвященной монархии) и соединение в один договор всех политических обществ, составляющих род человеческий. Результат — отдаленный общий порядок».

Переходя от образования государства к государственному устройству, Жуковский подчеркивает, что не столько важна форма правления, сколько его дух. Любое государственное устройство должно выражать в себе божественную справедливость и следовать ей. «Ни самодержец, ни монарх, ни демократия не могут следовать одной собственной воле. Республиканское правительство также точно подчинено закону Божией правды, как и самодержец». Приравнявая все формы правления перед лицом

Господа, Жуковский тем не менее подчеркивает приоритет самодержавия, поскольку «самодержавие есть форма правительства, самая близкая к Божественной власти», при условии, конечно, просвещенности и любви монарха к справедливости. И следуя примеру великого Платона и предоставленной ему возможностью, Жуковский самолично пытался воспитать свой идеал монарха в лице Великого князя Александра Николаевича. Об успешности реализации этого «проекта» судить теперь историкам.

Василий Андреевич Жуковский был человеком и мыслителем, удивительным образом избегающим всякие крайности. Можно сказать, что это был человек здравого смысла. Так все современники отмечают его необыкновенную доброту и отзывчивость. Конечно же, ему многое не нравилось в российской действительности, конечно, он в глубине души был против крепостного права, что доказал своей жизнью, оказав помощь в освобождении из крепостной зависимости Т. Шевченко и Козлова. Тем не менее, он резко выступил против декабристов, недолюбливал слишком провокационных лозунгов революционных демократов и очень осторожно решал проблему свободы человека: «Свобода, — пишет он в дневнике, — полное право действовать как хочется, в черте, ограниченной законом». Впрочем, для него, как для человека религиозного, было абсолютно очевидно, что внутренняя свобода личности никак не связана с ее положением в социальной иерархии и абсолютно не определяется ее отношением к средствам производства. «Свобода человеческая особенно доказывается тем, что человек всегда может быть справедливым».

В завершении обзора философских проблем в творчестве В.А. Жуковского, хотелось бы остановиться на еще одной проблеме, на отношении его к зарождающемуся в 40-е годы славянофильству.

Проблема творческих взаимоотношений Жуковского и славянофилов многоаспектна и практически не изучена. Говоря об этой теме, чаще всего говорят только о личных отношениях Жуковского с первыми славянофилами: Киреевским, Хомяковым и Самариным. Известно, что Жуковского и Хомякова связывала тесная дружба, а для Ивана Киреевского он был не просто другом, но и наставником. Однако от личных взаимоотношений исследователи почти никогда (за исключением книги Долгушина) не переходят на теоретический уровень. Между тем, как пишет Янушкевич, «историю «Москвитянина», да и многие страницы публицистического и критико-литературного наследия славянофилов, характер их религиозно-философского мышления невозможно понять во всем объеме и глубине без постановки этой проблемы» (влияние на них религиозно-философских исканий Жуковского). Конечно, Василий Андреевич не был таким ярким сторонником русского почвенничества и отрицания духовных ценностей западной цивилизации, какими порой выступали славянофилы. Как переводчик великих трудов западной культуры он, конечно, не может отвергнуть Европу. Наоборот, в 1830-е годы он говорит о том, что только в Европе гражданское общество дошло до

высшего развития. И это идеал, к которому России нужно стремиться.

Однако в конце 1840-х годов, оказавшись в самой гуще революционных событий, Жуковский резко разочаровывается в европейской цивилизации. «Что в современной Европе? Эгоизм и мертвая материальность царствуют. Вера в святое исчезла!» — пишет он в своей статье с очень характерным названием «Святая Русь» (это был ответ на одноименное стихотворение Вяземского). Запад утратил веру, умаление авторитета церкви привело к реформации, а она сама к Просвещению, культу разума и рационализму и как следствие, через пантеизм, к атеизму. Это положение вещей в итоге приведет к гибели европейской цивилизации (великие памятники европейской культуры, конечно, при этом останутся) «И цивилизация сама себя погубит или лучше сказать распадется на гнилые части, ибо она труп без души, если не возвратиться к тому пункту с которого начала свой путь и на котором оставила свою душу: вере в святое». В риторике Жуковского 1840-х годов уже появляется столь характерное для славянофилов представление об особом пути России. «Россия шла своим особенным путем. Две главные силы, исходящие из одного источника властвовали и властвуют ее судьбой. Они навсегда сохраняют ее самобытность, если, оставаясь неизменными в своей сущности, будут следовать за исторически необходимым ее развитием, будут его направлять и могущественно им владеть. Эти две силы суть церковь и самодержавие». Несмотря на то, что по основному вопросу о самобытности России взгляды Жуковского и славянофилов совпадают, тем не менее из приведенной цитаты видна и точка их расхождения. Говоря о самобытности России, славянофилы всегда связывали эту самобытность только с православием, для них церковь всегда была выше государства и самодержавие само по себе ничто, если эта власть не направлена на развитие и поддержку православия. Жуковский же особо выделяет именно роль самодержавия («Самодержавие есть жизненная стихия, есть исторический путь России»), говоря, конечно, при этом об идеальном самодержавии, о просвещенном монархе, который «должен ограничивать свою власть высшей правдой». Церковь же понималась Жуковским скорее как государственный институт воспитания нравственности, как власть, полагающая пределы самовластию рассудка.

Философия славянофилов не была ограничена только историческими вопросами о самобытности России, много места в их мировоззрении уделялось вопросам духовным, и тут религиозные искания славянофилов и Жуковского шли параллельно. Главное, что сближало Жуковского, в частности, с Хомяковым, были общеэтические принципы, неразрывно связанные с вопросами моральной философии, и религии. Известно, например, что Хомяков обсуждал с Жуковским свою религиозную концепцию и присылал для одобрения свою, к сожалению, утраченную рукопись «Церковь одна». Огромное внимание, которое Жуковский уделял внутренним духовным проблемам человека, оказалось той благодатной почвой, на которой позже выросли

рассуждения И. Киреевского о «внутреннем человеке»: необходимости именно в глубине души искать того «внутреннего разума, где все отдельные силы сливаются в одно живое и цельное зрение ума».

Из нашего небольшого обзора, на наш взгляд, совершенно очевидно, что сводить роль Василия Андреевича Жуковского в истории русской философской мысли только к его ходатайствам за Киреевского и Герцена, как это нынче делают в большинстве учебных курсов, совершенно неправомерно. Янушкевич выделил вопрос о месте В.А. Жуковского в истории русской религиозной философии в качестве одного из главных направлений изучения его творчества. Ф.З. Конунова указывает на необходимость изучения религиозно-философских взглядов Жуковского в общем контексте нравственно-философских исканий русского романтизма 1830-1840 гг. В.А. Жуковский – незаурядный человек и мыслитель. Конечно, отделять философию Жуковского от его поэзии и в целом от всей многогранной фигуры этого «поэта и гражданина» очень сложно, да и, на наш взгляд, не стоит этого делать. Именно через поэзию Жуковского, через его дневники, заметки, воспоминания и в целом через его жизнь раскрывается тот сложный путь духовно-философских исканий, который ему суждено было пройти. Как всякий путь великого человека, этот путь полон мыслей и прозрений, с которыми нам, потомкам, было бы не лишним ознакомиться.

Литература:

- Афанасьев В. В. «Жуковский». М., Мол. гвардия, 1986.
 Долгушин Д. В. «В. А. Жуковский и И. В. Киреевский: из истории религиозных исканий русского романтизма». М., Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
 Жуковский В. А. Полное собр. соч. и писем в 20 т., т. 13, 14: Дневники; Письма-дневники; Записные книжки (1804-1833). М., Языки славянской культуры, 2004.
 «В.А. Жуковский и А.С. Хомяков в 1840-е годы (К дневнику Жуковского)» Хомяковский сборник. Т. 1. Томск, 1998, «В.А. Жуковский-критик». М., Сов. Россия, 1985.
 Жуковский В. А. «Путь мой лежит по земле к прекрасной, возвышенной цели...»; «Жизнь и Поэзия одно»; «Ты жил и будешь жить для всех времен!...» М., Русский мир, 2008.
 Зеньковский В. «История русской философии». М., Академический проект, Раритет, 2001.
 Канунова З. Ф., Янушкевич. «В.А. Жуковский в современном мире». Итоги и перспективы изучения наследия поэта в Томском гос. университете.
 Киреевский И. В. «Обозрение русской словесности за 1829 г.». – Полное собр. соч. в 4 т., т. 2. Калуга, Изд. педагогический центр «Гриф», 2006.
 Лосев А. Ф. «Русская философия». Изд. уральского университета, 1991.
 «Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной. 1813-1852». Томский гос. ун-т. М., Знак, 2009.

**Станислав Юлианович
Жуковский**
(1873-1944)

Перед террасой. 1912 г.

Певец русских усадеб Станислав Жуковский – академик Императорской Академии художеств, один из самых известных русских импрессионистов начала XX века, ученик Поленова и Левитана, учитель Маяковского.

Почтовая марка Республики Беларусь, 1998 год, репродукция картины С.Жуковского «Угловая гостиная».

«Я большой любитель старины, в особенности, пушкинского времени... но как мало истинно культурных и тонких людей, умеющих ценить эту святыню, не превращающих их в фабрики, а парки, где гулял Евгений Онегин – в дрова».

С.Ю. Жуковский

В комнате. 1920 г.

Станислав Юлианович Жуковский

Маргарита Аль

ДООС – стрекозАль

ей было минус восемнадцать

тяжёлый страх
и каменные крылья
просроченное время
двух тысячелетий

был час весны
из будущего
лета
зим
был миг из точки невозврата
в мир

был сон без сна
была
сто третья перспектива

столетья из
числа пространств

ей было минус восемнадцать

так смотрят зеркала
друг в друга
так океан бездонного
сосуда
так
ладонь
в сплетении дорог
то воздух то вода
то царские врата
из золота серебра

ей было минус восемнадцать

так свет погибших Солнц
вместивший жизнь

так небо и земля –
слагающему повесть о мирах
без славы и позора
без райских куц и адова огня

ей было минус восемнадцать

из под пера
из уст
над менной
то тлен
то кровь
то точка
то волна
то тень
то чёрная звезда

ей было минус восемнадцать

Былое. Комната старого дома.
1912 г.

Станислав Юлианович Жуковский

Александр Раткевич

Полоцк, Беларусь

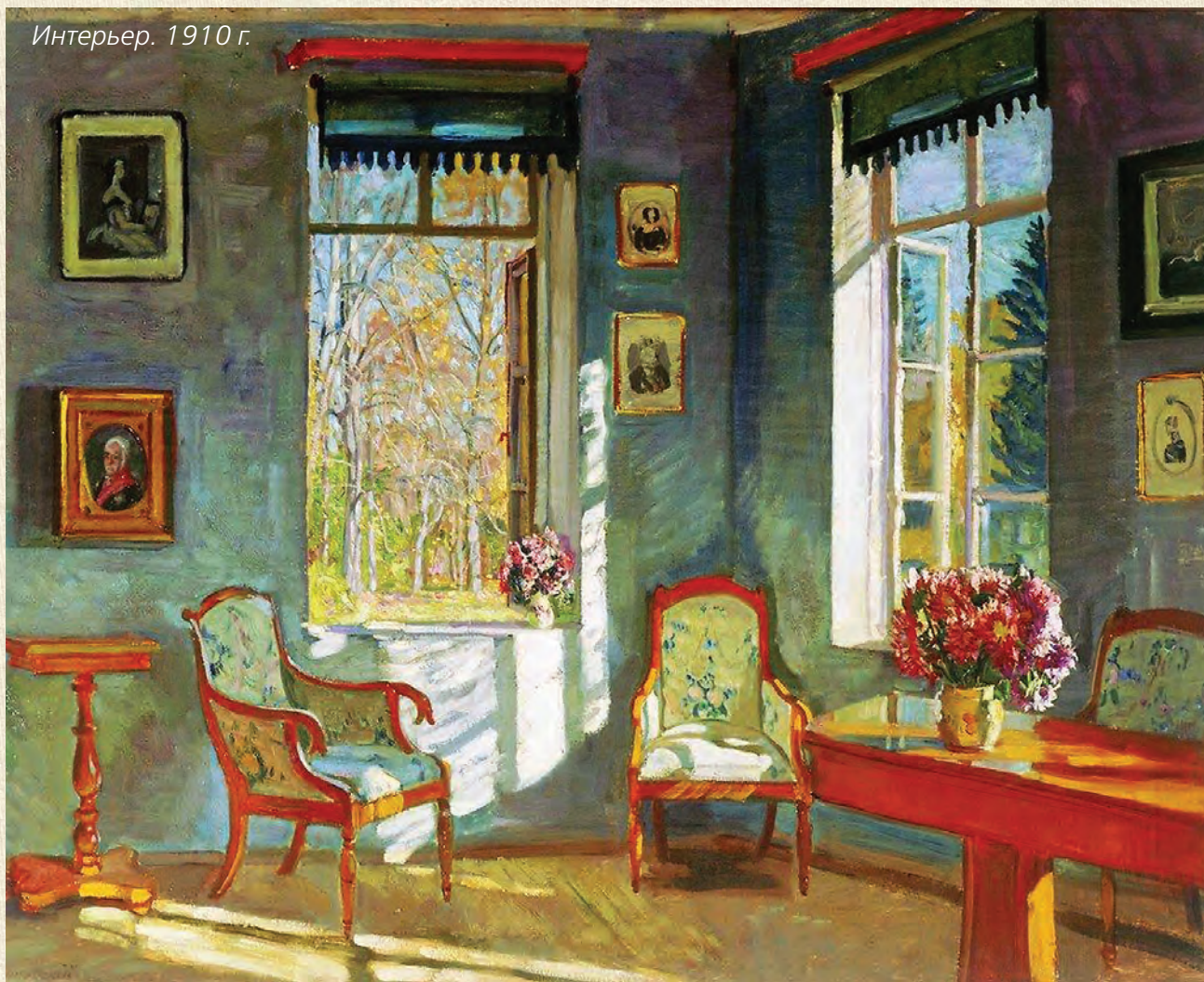
Мне в комнате

I.
Мне в комнате не тесно совершенно.
Камин сквозь сумрак проливает свет
на стол, заполненный обрывками газет,
рядами книг, прочитанных отменно,
и авторучками. В кроватке у стены
спит сын; его спокойное дыхание
напоминает мне дыхание весны
в тот забывающийся, как благоуханье,
но мной ещё не позабытый год,
когда я и любил и был любимым...
Сегодня ночь, как мягкий чёрный кот,
к окну крадётся шагом боязливым.
Луна, как мопс, уставившись своей
округлой мордой в шаровые шторы,

бросает полутени от ветвей ночных осин,
стоящих как соборы,
на стены комнаты, сокрытые стеклом
окна. И тишь. И сын, объятый сном,
не ощущает полночь за окном.
И книги – как последнее мерило
небес, объятых пламенем и льдом.
В камине головешки тлеют стыло.
Из авторучки синие чернила
на лист бумаги вытекли стихом.

II.
Мне в комнате не тесно... Небо, звёзды
и Млечный Путь измучили меня.
Зачем кометы в космосе борозды

Интерьер. 1910 г.

Станислав Юлианович Жуковский

свои прочерчивают, факелом звеня?
Там – бесконечность звёздного огня
и в то же время, гармоничность меры.
Но для чего вся эта беготня
жесточких атомов, не знающих ни веры
в Создателя, ни жалости к людским
порокам и достоинствам, таким,
которым место есть
в большой Вселенной,
но все они на маленькой Земле
нас заставляют думать о нетленной,
бессмертной жизни в пепле и золе
гигантской печки, выстроенной смертью
во славу человеческого ума?
Уж не она ли есть стратег и тактик
вращения идеального галактик
и бега излученья там, где тьма,
производимых неопознанною твердью
в её же сердцевине, где игла,

как двигатель с программным управлением,
как мастерица с бойким вдохновеньем,
не зная ни сочувствия, ни зла,
ни чувства голода, ни капли боли,
шьёт белой нитью чёрное руно?
Не тесно в комнате... Но я-то, что ли,
рождён был как обычное зерно,
чтоб сгнуть в земле, успев закономерно
из самого себя взрастить росток?
Росток или идею?

III.

В час, примерно,
я подошёл к столу и взял листок,
и кровь смахнул (а может быть, чернила),
но так как текст уже совсем застыл,
то всё, что там глазами я испил,
скорей всего, заимствовано было
у ночи – из её очей.

Николай
Егорович
Жуковский
(1847 – 1921)

Фрагменты текста и схемы из книги

О парении птиц

(Сообщено в Московском Математическом обществе 1891, октября 22)

Фиг. 5

Парением называется такой вид полета птицы, при котором она не машет крыльями.

...

Орел, расположив свои крылья против ветра, поднимается вверх по ветру и, не сделав ни одного удара крыльями, забирается кругами на большую высоту.

...

Птица может в спокойном воздухе посредством изменения угла наклона своих крыл изменить направление своей абсолютной скорости, не затрачивая энергии...

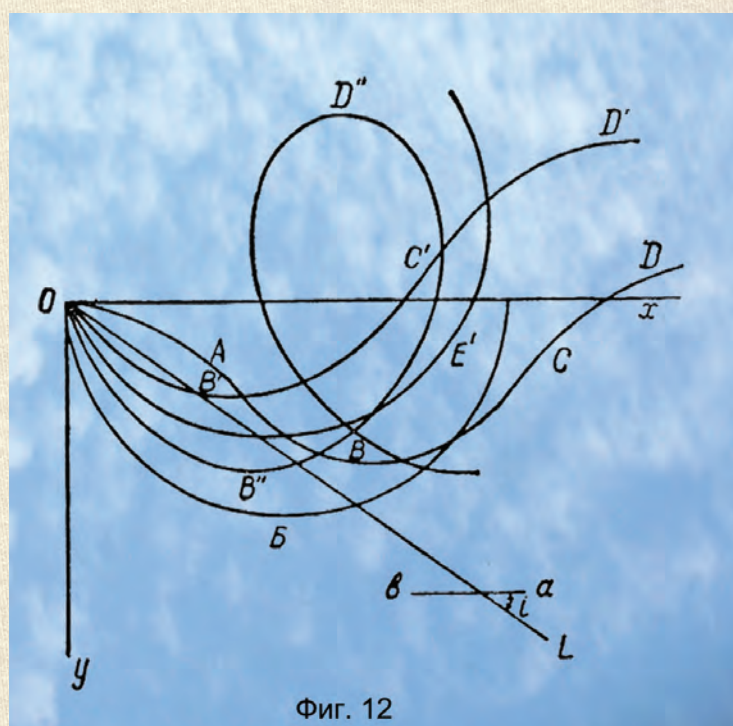
Ястреб поднимается вверх по винтовой траектории (фиг. 5), поворачиваясь против ветра нижнею подкладкою своих крыл всякий раз, как пролетает ветряную сторону орбиты.

...обстоятельно исследовано только скольжение птицы по прямой, наклонной к горизонту.

...Птица будет скользить по наклонной прямой OL (фиг. 12), держа плоскость крыльев горизонтально, причем всякому углу i наклона этой прямой соответствует своя скорость скольжения.

...

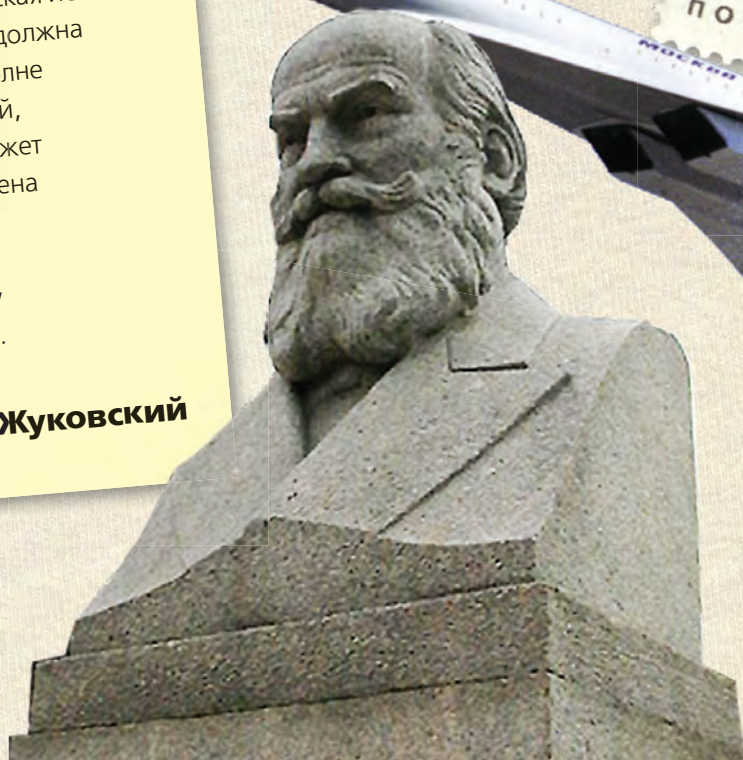
Пусть на этих осях совершается винтообразное скольжение птицы...

Фиг. 12

«Математическая истина
только тогда должна
считаться вполне
обработанной,
когда она может
быть объяснена
каждому из
публики,
желающему
ее усвоить».

Н.Е. Жуковский

Бюст Н.Е. Жуковского в Москве на Воробьёвых
горах рядом с МГУ.

Владимир Монахов

ДООС – братскозавр
Братск

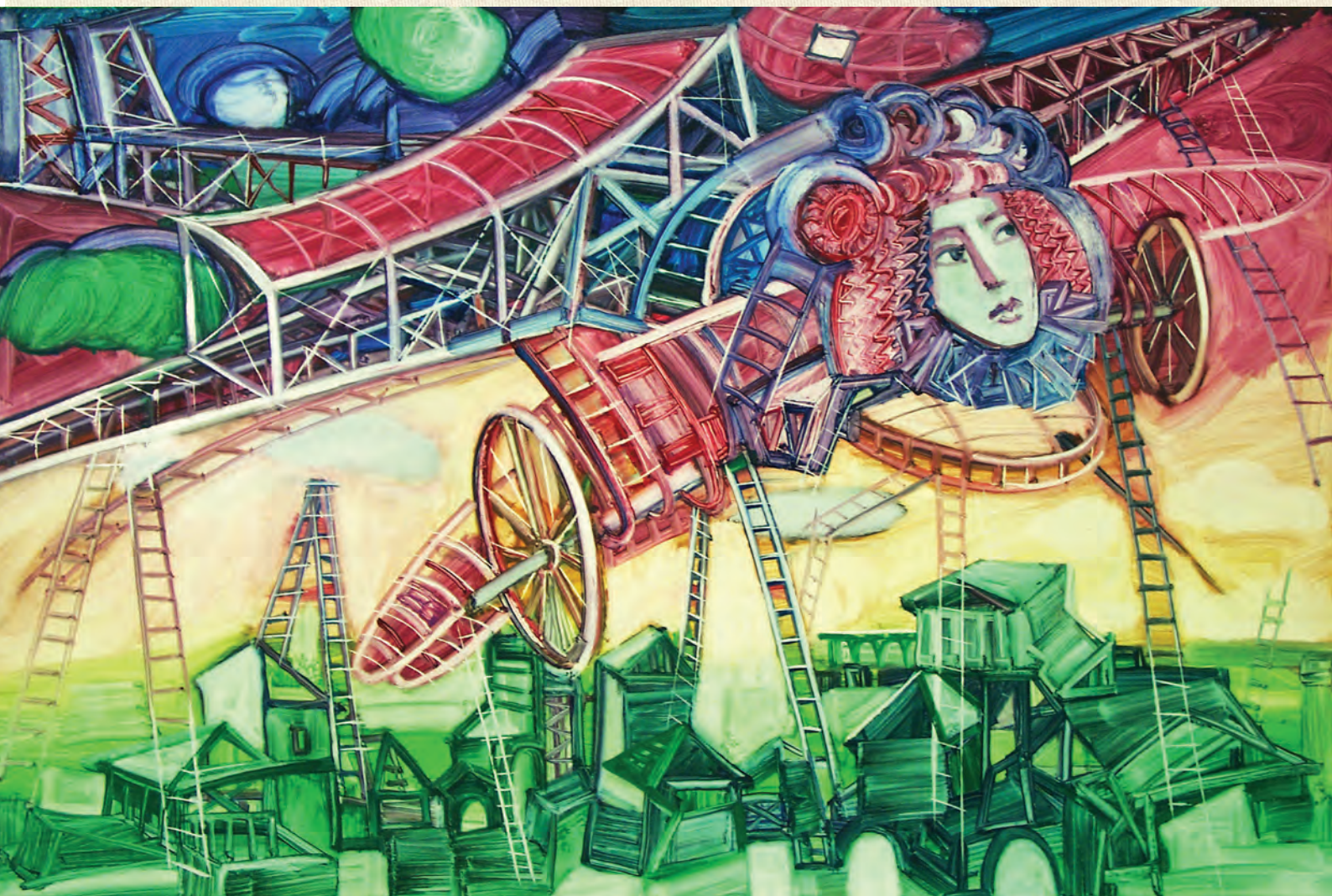
Небо содержит элементарные частицы
звезд, птиц и ожидающего взгляда,
способного поднять и рассеять
свет над уровнем космоса.
Методом отключения человеческой плоти
вечность добивается равновесия
между не было и не стало.
Когда между птицами и звёздами
разгорается неутраченная борьба
за пристальное внимание, разоряются
гнезда привычного взгляда.
Затягивается тело бытия
мертвой петлей горизонта,
из-под ногтей которого в звездное небо
рвутся элементарные частицы из птиц
и взглядов ожидания.

**Александр
Добровольский**
Смоленск

Последний час

птица в небе
трепещет всеми перьями
синевой звеня
как
мишень расщепив
долго с нею дрожит
стрела
пронзительная как тишина
уже без меня
так
а когда мы ссорились
то есть сорили помнится
полоска света на полу
сияла ярче всего
а раз так – то поднимем бокал
еще раз
еще один бокал
бокал неба
как Воланд – за бытие
покуда птица звенит в необъятность
струится бесконечным спасибооо
разбитый
хрустальный
час

Михаил Гардубей (Тюмень)
«Неболёт» (мелованная бумага, масло).

Екатерина Адасова

Общий самолет футуристов

Самолет Райта,
Жуковского крылья,
Слов много напишешь,
Важны ведь усилия.
Экипаж собран,
Друзья футуристы,
Лететь далеко,
От пола до крыши.
Поэты вспорхнули,
Хлебников рыдает,
Конструкция надёжная?
А кто его знает.
Пастернак мил,
Губы сжал,
Летим быстро,
В мире пожар.

Маяковский в музее

Маленькая комнатка,
Столик и ящички,
Где Маяковский, ты настоящий?
Кроватка, окно,
Покрывальце, салфетки,
Где Маяковский, поэт пятилетки?
Разрушена крыша,
Лестница в красном,
Где Маяковский, оратор прекрасный?
Крики, призывы, слова,
Чужая квартира,
Где Маяковский, чуткий и милый?
Лозунги, голос,
Громом, звучащий,
Где Маяковский, ты настоящий?

Зиновий Антонов

Майский сон в декабре 12-го

а ветер такой был сильный
что с ног сбивал автомобили
с путей поезда сносил он
и самолеты – с крыльев

навстречу летело нечто
со странным каким-то креном
чтоб раз навсегда беспечно
за нас все решить проблемы

не временно и не местно
а так чтобы все и сразу
не время да и не место
взывать о другом здесь разе

останки тираннозавров
глаза австралопитеков
горячая ревность мавра
дворцы фонари аптеки

летели стремглав зигзагами
как будто на цепь нанизаны
каренины и живаги
арены и телевизоры

заботы мечты впустую
превратности и сомнения
эпохи дубы и туи
юдифи и дамы с камелиями

летели стрелой адамы
(из ребер их евы ели)
и мамонты – дети и мамы
в полете о счастье пели

и клинобородой стаей
как будто взрыхляя сон
адольф и иосиф сталин
карл маркс и наполеон

билл гейтс и владимир ленин
и, скромно кутаясь в плащ,
тот, кто это все затеял,
ни словом не отречаясь

Олег Федоров

Тюмень

РЕЙС № 612

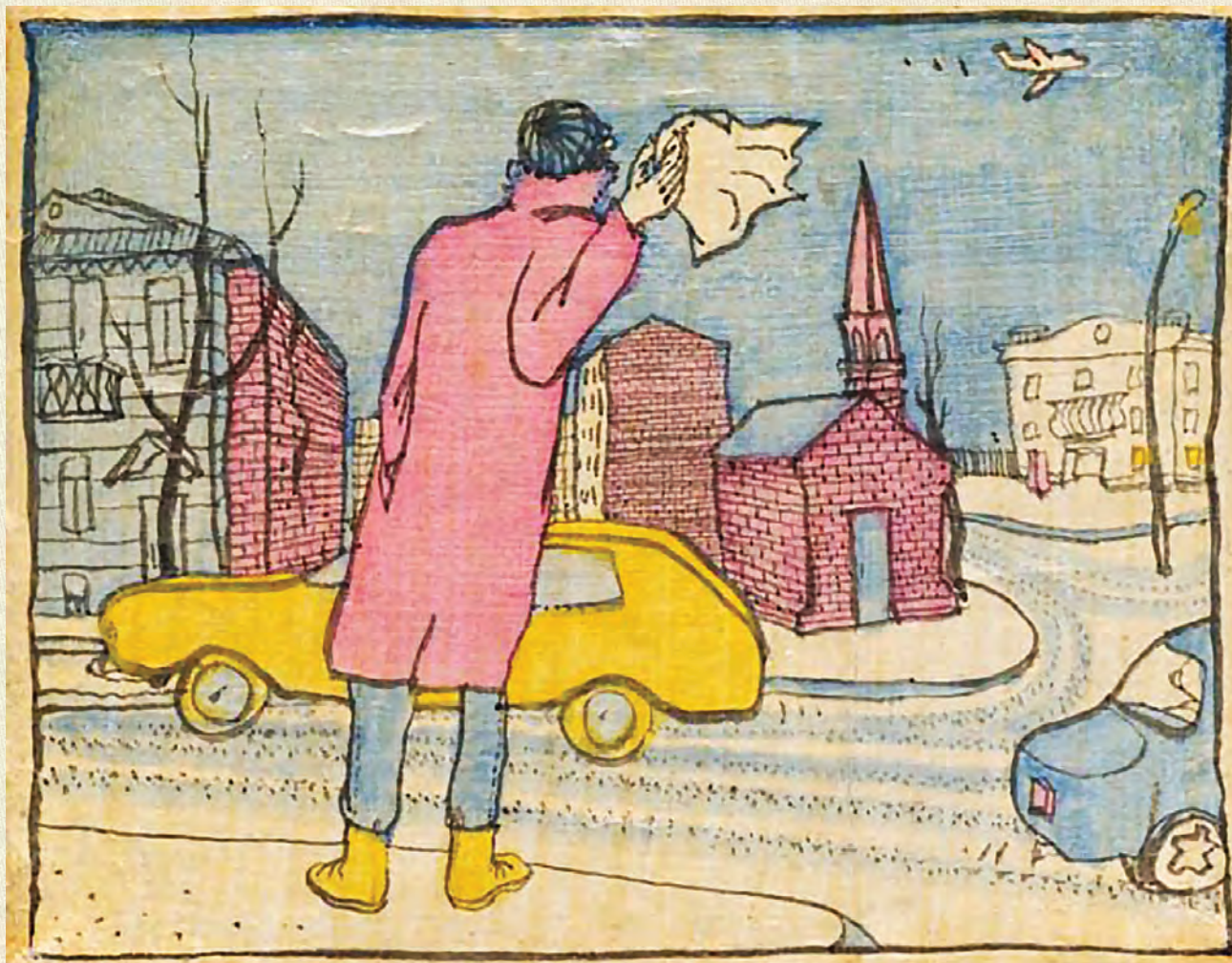
Падают самолёты.
Дети уходят в небо.
Внизу остаются замки
воздушные, бабушки, тёти...
Дети уходят в небо,
не совершив посадки
от рожденья к рассвету,
так и оставшись в полёте...
То, что уходят другие,
трудно понять, но возможно.
Те, кто уже отлюбили,
не долюбив немножко.
Те, кто уже надышались,
может быть, самую малость
не надышавшись, те кто
стали частицами Света.

Но дети совсем ещё недо...
И вот теперь они где-то...
На сорок пять маленьких облаков
на небе теперь будет больше.
На сорок пять тонких лучиков,
солнечных листьев осенних...

Делайте, что хотите!
Но отмените, прошу вас,
дяденька Главный Диспетчер,
Все безутешные рейсы...

Александр Чемакин (Тюмень)
«Лети, летчик...» (холст, масло)

Дмитрий Сопыряев
Ульяновск

Самолёт

Сам о лёт летит к свету
Свет рождается в дыре.
Мы завернуты в планеты,
Мысли каплют в дожде.
Вектор открытия – Нобель,
Выше открытий – небо.
Небо = свод + аль
Фа + ра = светит Земля
Имеет форму нуля
Небо имеет форму нуля.
И нет ничего вокруг
Лишь только золота круг,
Имеющий форму рук.
Жмёт человека – ку-рок,
Пуская пулю из нуля,
Мишень становится Луна.

Николай Ерёмин
ДООС – никозавр
Красноярск

Жуковская песня

Жили-были – песня в том порукой –
Излучали слово, цвет и свет –
Три Жуковских – триединых друга –
Живописец, лётчик и поэт...

Не случайно в песне той поётся,
Как летает в небе самолёт,
И поэта книга издаётся,
И с картины постер продаётся –
И в Жуковском-городе народ
Счастлив проживать из года в год...

Не случайно
Автор песни той –
Бог-отец,
Бог-сын,
Бог-дух святой...

Анатолий Кудрявицкий

ДООС – прозостихозавр

Дублин, Ирландия

Проза позднего прозрения

В Москве дома слипаются в форме слова «НЕТ». Сия тайна архитектуры в голубоглазый день приоткрывается пассажирам летящих в никуда самолетов, так что в точке всеобщего назначения москвичей принимают без протокольных вопросов. Над кропотливыми затылками принимающих выцветает плакатик с зубчатой надписью: «Помни! По-московски "да" – это тоже "нет"!»

Новая книга обещаний

Самолетным следом по голубому велюру обещано каждому: «Ессе homo». Из домово́й книги Господа Бога, правда, не следует, что обещание выполняется. Но всё сглаживают надписи на моги́льных камнях.

Сергей Зотов

Саратов

Преддетство

птицы пели в животе
выбраться не могли они
клювами двигали в темноте
пока не проткнули чрево

насквозь носами пробитый
вывернутый наружу распахнутый
с закрытыми глазами черный
с открытыми коричнево-красноватый

журавль поднял лапу
одну вторую вынул
голову и тело корявое
выбрался наружу он

потом вылетели остальные

птички теперь не в животе
клетка пустая и окоричневевшая
аисты летят налегке
аисты не спешат теперь

Игорь Крестьянинов

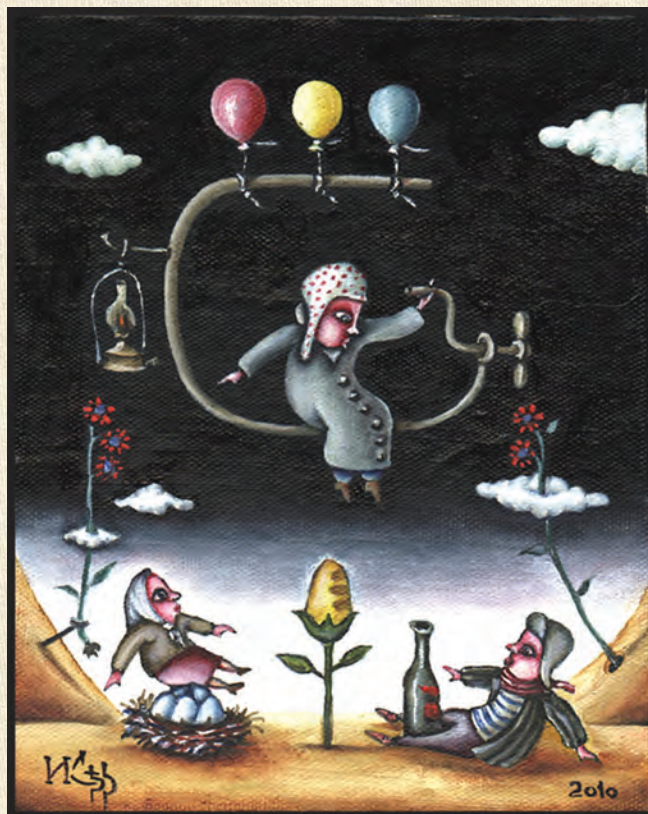
Самара

Художники пространств,
Ваш миф невыразим.
В эпоху – междуцарств
Так свят циннаризин.

Вам так легко летать
Меж Питером – Москвой.
Не то что мне латать
Иглой души застой.

Вам сладостно порхать –
Где будет в срок рожден
Последний Сын Греха
И вечных похорон.

Ночных кустов шуршаний беспокойство мышье.
Фонарь с луной – глаза космической газели.
В мои глаза уж лучше что ли б не глазели.
Я левитирую: бесстрастный, дерзкий, мощный.
Куда? Неведомо. Куда-нибудь причалим.
Упругий ветер, что соленая волна качает
Меня. И стая черных голубей за место чаек
Несут, как челн, туда, где утро не встречают...

Игорь Ревякин

«Изобретатель» (холст, масло).

Александра Заболотская

Казань

*Моя бабушка
Сусанна*

Я родилась 29 октября 1918 г. Мои родители, когда поженились, были студентами медицинского факультета Казанского университета. Отец, Василий Михайлович Архаров, был значительно старше моей мамы, хотя учились они на одном курсе. Дело в том, что он поступил в университет после того, как отбыл ссылку за революционную деятельность. Что это была за деятельность, мне не известно, как ничего не известно о доказанном периоде его жизни. Знаю только, что родился он в Тифлисе. У нас сохранилась семейная фотография, на которой он еще гимназист, лет за 15 до моего рождения. Там, я уверена, даже и не подозревали о нашем с мамой существовании. Так что вся моя родня только со стороны моей матери, Елены Николаевны Заболотской. И здесь мои корни уходят далеко в российскую глубинку, северные губернии, где жили два моих прадеда – Никита Николаевич Заболотский и Сергей Михайлович Прянишников.

Моя бабушка Сусанна Сергеевна Заболотская была в девичестве Прянишникова. Ее отец, а мой прадед, Сергей Михайлович Прянишников служил управляющим бумажной фабрикой в городе Лальске Вологодской губернии, а фабрика принадлежала его жене. Эта моя прабабка имела одну странность характера: стоило ей забеременеть, как в ней пробуждалась страсть к путешествиям. И по мере того, как рос плод в ее чреве, росла и тяга к дальним странствиям и становилась такой непреодолимой, что эта странная женщина подчинялась ей и отправлялась в дорогу. Одного ребенка она родила в лодке при переправе через Двину. Из рассказов бабушки было понятно, что у нее, кроме известного мне брата Михаила, были и другие братья или сестры, но о них я никогда не слышала. Может быть, они умирали, не выдержав неадекватных условий своего рождения, а, может, мать рассказывала их по родственникам. По крайней мере, так она поступила с моей бабушкой.

ПОздравляем!

Нашему старейшему автору
Александре Васильевне
Заболотской исполнилось 95 лет

Сусанна Прянишникова.

На этот раз, забеременев, она отправилась в Москву к своему деверю – художнику Иллариону Михайловичу Прянишникову. Родив там дочь Сусанну, она оставила ее на воспитание в его семье. От бабушки я никогда не слышала рассказов об ее отце или матери, а только о дядюшке. Он в то время работал преподавателем в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Его семья жила в Хамовниках неподалеку от Льва Николаевича Толстого, с которым они были близко знакомы.

Бабушка рассказывала:

«Лев Николаевич любил участвовать в разговорах художников, которые часто собирались у нас в доме. Не только художники приходили, и другие люди тоже, но все споры были обычно об искусстве. Дядюшка очень горячился при этом. Однажды спор зашел о том, какое искусство выразительнее. Кто-то из присутствующих утверждал, что музыка намного

выразительнее живописи. Наконец, дядюшка схватил этого человека за руку и потащил к роялю, крича: «Раз так, то сыграй мне извозчика на белой лошади!»

Он вообще был очень вспыльчивый, раздражительный. Кузен Жорж мне рассказывал, как отец взял его с собой на вокзал, куда должны были привезти турецких военнопленных. Там художник стоял и разглядывал пленных, когда к нему подошел городской и сказал: «Господин, здесь стоять нельзя». Дядя только плечом дернул. Городовой опять: «Господин, здесь стоять нельзя!» Тогда дядя рявкнул: «Принеси стул, я сяду!» Городовой опешил и оставил его в покое. Дома по вечерам мы часто играли в карты. У кузена Жоржа была привычка при сдаче класть карты перед собой, а потом подвигать их каждому игроку. Дяде это не нравилось, и он просил, чтобы Жорж сдавал карты прямо ему, но тот все время забывал об этом и поступал по-своему. Когда дядюшке пришла очередь сдавать карты, он карты Жоржа относил по одной в другой конец комнаты и складывал на рояль».

За Сусанной очень ухаживал один из братьев Маковских, тоже художник-передвижник. Однако, живя среди живописцев, она ни разу не стала моделью ни для одного из них. Да и сам Прянишников не написал портрета кого-либо из своей семьи, хотя на его картинах множество самых разнообразных лиц. Бабушка рассказывала, что однажды летом, когда семья выехала на дачу в деревню, Прянишникову очень понравилась девочка Марфутка, и он часто заставлял ее позировать. Она так хорошо это делала и была такой яркой, что дядя все время приговаривал, что, видно, надо будет взять ее в Москву. И вот когда собрались уезжать из деревни, явилась Марфутка с узелком в руках – собралась ехать с Илларионом Михайловичем в Москву. И он таки взял ее с собой, поговорив, конечно, с родителями. Потом пристроил в училище, и позже, когда Марфутка выросла, она действительно стала профессиональной натурщицей.

Неизвестно, как бы сложилась дальше судьба девицы Сусанны, если бы ее дядюшка не заболел туберкулезом. Он уехал лечиться в Крым, а племянницу отправил к родителям в Лальск, где он и вышла замуж за моего деда Николая Заболотского, который только что закончил историко-филологическое отделение Санкт-Петербургского университета. Это был молодой, веселый, образованный человек, а бабушке после Москвы в

провинциальном Лальске было очень тоскливо. И когда дед сделал ей предложение, она приняла его, но только на том условии, что он получит место в каком-нибудь губернском городе. Так они оказались в Вятке. А из Москвы пришло известие, что Илларион Прянишников избран действительным членом Академии художеств. Но, увы, через полгода он умер.

Вятка, конечно, не Москва, но зато моя бабушка стала замужней дамой, хозяйкой собственного дома, и эта роль была ей очень по душе. Ее муж, хотя и был преподавателем такого сухого предмета, как древние языки, сам был очень живым и веселым человеком. Пусть в его круглом краснощеким лице было мало романтического, зато с ним не было скучно. Он очень любил свою жену и всегда умел развеселить ее.

Его отец, мой прадед Никита Николаевич Заболотский, был землемером, то есть межевым инженером. Он окончил Константиновский межевой институт, высшее учебное заведение в Москве, основанное еще в 1779 году, сейчас он называется Московский институт инженеров землеустройства. А его жена была совершенно простой, необразованной женщиной. Бывало, скажет: «Чтой-то пить так хочется? Видно, это с каклет!» Зато она отлично умела солить рыжики в бутылках – такие маленькие, чтобы только в горлышко проходили. Свекровь находила, что сын уж очень ухаживает за молодой женой, а та мало выказывает к нему уважения (по ее понятиям). Сусанна Сергеевна говаривала: «Люблю,

В.Г. Перов.

Портрет И.М. Прянишникова Около 1862 г.

когда свекровь к нам приезжает, уж очень хорошо бывает, когда она уезжает».

В 1895 году у Заболотских родилась их первая дочь Елена – моя мама. А в 1999 дед получил место инспектора Первой казанской мужской гимназии.

История этой гимназии очень интересна. Она была основана в 1768 году, но из-за бедности ее содержания и низкого качества преподавания была закрыта. Однако в 1798 ее снова открыли, и на этот раз ее деятельность оказалась более успешной. Ее закончили Державин, Аксаков, Лобачевский, Бутлеров и многие государственные деятели. В 1898 гимназия отпраздновала столетний юбилей и получила звание «Императорской». Когда-то там преподавали восточные языки, но потом эти предметы отменили. Теперь в этом здании Казанский авиационный институт.

В Национальном архиве Татарстана я нашла некоторые документы, касающиеся моего деда.

«Инспектор статский советник Николай Никитич Заболотский.

Ордена Св. Станислава 2-й и 3-й степени, Св. Анны 3-й степени и медали в память царствования Императора Александра III.

Жалование 900 р., стол 600 р., за 13 уроков древних языков 780 р., прибавки за уроки 130 р., добав. по пансиону 240 р., всего 2650 р. Казенная квартира».

Эта очень большая квартира с печным отоплением освещалась керосиновыми лампами «молниями», которые, как мне говорили, давали очень много света, не хуже электрических. Каждое утро приходил сторож Никифор и растапливал печи, а также доливал в лампы керосин. Горничная как-то рассказала своей барыне, что он нарочно наполняет лампы керосином в край, а потом отпивает по глотку. Бабушка, конечно, не поверила. Но горничная устроила так, чтобы она своими глазами увидела этот странный акт. Никифор был прямо-таки уродлив лицом, но рассказывал о себе, что когда он был молодым и работал в доме одной богатой барыни, она будто бы допускала его к себе в спальню и называла «Никифор безобразный». Кроме горничной у бабушки была кухарка, с которой она по утрам составляла меню на весь день. Меня особенно удивлял и смешил ее рассказ о том, как она посылала кухарку за рыбой. Теперешняя казанская улица Пушкина называлась тогда Рыбнорядской, и там располагались лавки, торгующие рыбой. Выбор был такой огромный, что бабушка заказывала кухарке не только сорт, но и определенный размер рыбы, например, столько-то вершковый судак.

В 1910 году в городе Козьмодемьянске открылась новая мужская гимназия, и моего деда назначили ее директором. Как говорили бабушка, деду по выслуге и по чину уже полагалась директорская должность, но в Казани вакансий не было. И вот запись:

«Козьмодемьянская мужская гимназия. Директор статский советник Николай Никитич Заболотский. Орден Св. Владимира IV степени 1 января 1912 г.

Жалование 1800 р., столов. 1800 р. За 5 уроков древних языков 375 р., квартира 900 р., всего 4875 р.

Он же председатель педагогического совета Козьмодемьянской женской гимназии».

Дед прослужил там всего 4 года и ушел в отставку по болезни. Семья вернулась в Казань, где в 1916 г. он умер и был похоронен на Арском кладбище.

Когда у Сусанны Сергеевны первой родилась девочка, она сказала: «Буду рожать, пока не рожу сына». Вскоре по переезде в Казань у Заболотских родилась вторая дочь Любовь, потом третья –

Николай Никитич Заболотский.

Татьяна и, наконец, долгожданный сын Сергей – единственный из детей, кто оказался на нее похожим. Елена и Татьяна походили на отца, такие же русые, румяные и сероглазые, а тетя Люба была смуглой брюнеткой, как говорится, ни в мать, ни в отца.

После первой своей дочери бабушка детей грудью не кормила, каждый раз брали кормилицу, одевали в нарядный русский костюм, заботились, одаряли. Бабушка говорила, что у каждой кормилицы были свои особенности и свои привычки. Одна, например, перед кормлением выпивала 10 стаканов чая с молоком. Бывало, ребенок заплачет раньше, чем она свою норму выпьет, и она уже готова отказаться от чая и взять ребенка к груди, но бабушка ей этого не позволяла и заставляла соблюсти процедуру до конца. У другой кормилицы были такие большие груди, что, покормив ребенка одной, одна забрасывала ее себе на плечо. Бабушка даже деду позволила посмотреть на этот феномен, слегка приоткрыв дверь во время кормления. Кормилица обычно спала в детской со своим подопечным. Бабушка строго запрещала качать кроватку ребенка, если он заплачет. Но кормилице, конечно, случалось послушаться барыню, особенно ночью. Однако барыня была очень настойчивой. Однажды, заметив, что кормилица опять нарушила запрет, она решила дать ей урок: вошла в комнату, когда кормилица уже спала, и принялась качать ее кровать. Когда та в страхе проснулась, барыня приговаривала, продолжая качку: «Спи, кормилица, спи, баюшки-баю!»

Сусанна Сергеевна была строгой хозяйкой и матерью. Обедать садились всегда в одно и то же время, когда отец возвращался с работы. За столом обычно шла беседа, правило «когда я ем, я глух и нем», не соблюдалось. Но есть нужно было все, что подавалось на стол. Мама моя, например, рассказывала, что ненавидела блюдо под названием «телячьи ножки», однако приходилось есть. Раз в месяц кухарке полагался выходной, и в этот день ели в основном бутерброды, что мама очень любила. Капризничать за столом не разрешалось, как не разрешалось вставать из-за стола без разрешения.

Дед, конечно, много занимался детьми, но он был не строгим, а очень веселым. На все семейные происшествия он откликался юмористическими поэмами собственного сочинения. Однажды Леля (моя мама) должна была выступать со стихотворением Некрасова «Генерал Топтыгин». Она так старательно репетировала слова: «Рывкнул мишка!», – что даже охрипла. И Николай Никитич сочинил такие стихи: «Леля хорошо читала, / да

Слева направо: Любовь, Сергей, Елена, Татьяна.

вдруг голос потеряла, / и где надо было рывкнуть, / там смогла лишь слабо тывкнуть».

Он вообще любил всяческие сюрпризы и розыгрыши. Его любимицей была младшая дочка Танечка. Он выучил ее декламировать древнегреческие стихи, и она очень любила выступать перед желающими послушать. При этом она надевала на голову красную кукольную юбочку – это была «греческая феска». Гимназисты прознали, что «инспекторская Танечка умеет читать греческие стихи». И если случалось им встретить ее во дворе гимназии, то обязательно просили ее почитать. И она охотно это делала к общему восторгу.

Когда Танечке было три года, все три девочки заболели скарлатиной, заразившись одна от другой. Маленького Сережу успели отослать к куме Елизавете Петровне. Старшие дочери справились с болезнью, а Танечке становилось все хуже. Врач уже дал понять, что надежды на выздоровление мало. И

тут кто-то посоветовал послать телеграмму Иоанну Кронштадскому. О нем тогда рассказывали по всей России, как о святом богоугодном чудотворце. Бабушка посла телеграмму, моля о спасении жизни младенца. И получила телеграмму в ответ: «Молюсь о спасении младенца Татьяны». И представьте, той же ночью Танечке стало лучше, она начала поправляться и, наконец, выздоровела.

Теперь я давно уж не слышу, чтобы какой-нибудь ребенок умер от скарлатины, а ведь даже в моем детстве это было обыкновенным делом. Скарлатина была страшно заразной. Бабушка мне рассказывала, что после болезни девочек все игрушки были выброшены на чердак. Как-то прачка, развешивая белье на чердаке, увидела выброшенные игрушки и попросила отдать их ей для детей. Бабушка предупредила, что игрушки могут оказаться заразными, но прачка не побоялась и забрала. И вскоре ее дети заболели скарлатиной.

В те времена был обычай наносить визиты. И вот какую забавную историю рассказала мне бабушка:

«Все думают, что женщины наряжаются для того, чтобы привлечь внимание мужчин, а на самом деле нас больше интересует внимание других женщин. Ведь только мы и можем оценить наряды, в которых щеголяем, а мужчины этим и не интересуются совсем. Вот я отправляю мужа с визитами и наказываю ему, что когда он будет у кумы Елизаветы Петровны, так посмотрел бы, как она одета. Вот он возвращается, и я спрашиваю, что на куме надето было. Он отвечает: «Она была в красной кофточке». Странно, что за кофточка такая? Потом выясняется, что, конечно, ни в какой красной кофточке кума не была, да у нее и вовсе таковой не имеется. А муж о моей просьбе, конечно, забыл, и чтобы меня не обидеть, сказал, что попало».

Бабушка моя была большая франтиха, нарядов у нее было много. Но после революции она лишилась пенсии за мужа, и все эти вещи были постепенно проданы. У нее только сохранилось платье из черного кружева на блестящем синем чехле и два веера из страусовых перьев, один белый, другой черный. Эти вещи уже на моей памяти она продала в театр. Я думаю, бабушка была великолепной дамой. Лет сорок назад мне пришлось встретиться с двумя старушками, дочерьми крупного казанского купца Ольцина, ровесницами моей тети Тани. Они мне сказали: «Ваша бабушка была такой прекрасной дамой, наш папа был очень влюблен в нее. Нет, вы совсем на нее не похожи».

Оксана Слободчикова

Канск, Красноярский край

С рождения, до смертного причала
Браздят моря живые кораби,
Их ложь в своих объятьях укачала,
Чтоб позабыли избранность пути,
И потеряли силу сотворений,
И не смогли изведать чудеса –
Дрейфующие тени сновидений,
Где не целует ветер паруса...

Разбитые мечты и бригантины,
Изломанные судьбы, но в сердцах
Жива ещё надежда и поныне,
Жива её улыбка на устах.
Жива... И возвращается из плена
Любовь души, зовущая в полёт,
Теряет сладкозвучие Сирена,
Она вне сновидений не живёт...

А в море голубом, лаская взоры,
Плывут, плывут живые корабли,
Сплетая путеводные узоры,
Под радужную музыку любви...

ВЕЧНАЯ ТАЙНА

Уходит человек, оставив бренность,
Закончив путь молитвенных надежд,
И душу обнимает только вечность,
Избавив тайну жизни от одежд.

Душа ликует, сбрасывая путы
Телесных уз, и тленность мишуры,
Вновь обретая истины минуты,
И всех уроков пройденных – дары...

Вальсируя со звёздами вселенной,
В безвременье проносятся века,
И вновь душа вернётся к жизни бренной,
Для нового цикличного витка...

Александр Петрушкин

Кыштым

Переспелое небо, как тыблоко, ляжет к ногам,
зашуршит, как незрячий щенок, что разыскивал соску
материнскую в темной коробке – перетряхивал хлам
и ходил меж прозрачных вещей, и поскрипывал в досках.

Начинается утро – точнее: отъезд – он – патлат,
скособочен, как дом – за которым весь год не ходили,
и вода прекращается – словом течёт по губам,
и речёт пескарём, зарывшимся как поплавок, в белом иле.

Переспелое небо. Сколоченный наспех сентябрь.
Даже в камне [легко и надёжно упрятанный] воздух
разливается по полу, словно стакан молока,
значит тыблоко катится мимо свободы на волю.

Сминая бумажную воду
Не дышит свинцовый карась
Идёт с той [почти по богу]
по воздуху вверх накренься

он жабры свои не шнурует,
шифрует под речь чёрный ил
и если дорвётся до суши
то верно поймёт, что он был,

сминая, царапая оду,
глазея в чудовищный страх,
что с точностью неба не спорят
в бумажных и рваных потьмах.

Галина Мальцева
«ДООСЕНЬ»
(бумага, смешанная техника).

Евгений Степанов

кандидат филологических наук

друг ДООСа

Выступление в районной библиотеке

Вечер поэзии в районной библиотеке
Столичные авторы
Городской глава
Местные школьники и пенсионеры
Представители литературного объединения
Выступает московский поэт-метафорист
Его не понимают
Но вежливо хлопают
Выступает Ян Бруштейн из Иванова
Он читает стихи про маму
Про бабушку-блокадницу
Которая после войны запасала впрок сухари
Все понятно
Хлопают искренне от души
Выступает местный поэт
Стихи простые-простые
Можно сказать примитивные
О родном селе
О маленькой местной речке
Об огороде
О кабачках-огурцах
Восторг полный
Публика радостно улыбается
И не жалеет ладош...
Видно что именно такие стихи людям нравятся
больше всего

Я считаю что это логично
Стихи должны быть предельно просты
даже примитивны

Состоять из нескольких слов
Я люблю тебя
Я люблю тебя мой город
Я люблю тебя моя жена
Я люблю тебя наша речка
Я люблю тебя березка в поле
Я люблю тебя огурчик который я сам вырастил
И не надо лишних слов
Лишних наворотов
Вообще достаточно одной фразы
Я люблю тебя

14.05.2013

Оренбургская область

Возвращение с дачи в Москву

а что в Москве а там все то же
а что я должен сделать там
очистить срат начистить рожи
соседям мерзким алкашам

послушать Диму и Володю
как хороши у нас дела
и лямку вновь тянуть воловью
и горевать что жизнь прошла

не там не так не так как следует
как следует увы не ведает
мой слабый сумрачный умишко
Москва прочитанная книжка

4.07.2013

Замоскворечье

Игорь Ревякин

«Философ» (холст, масло).

Игорь Яркевич

Поэт в России больше, чем поэт, — это глупо, но это правда. По крайней мере, пока был СССР, это было правдой. СССР состоял из четырёх букв и из шести элементов. Первые четыре элемента общеизвестны. Пятый элемент пока не имеет названия; он уже открыт, но его ещё никак не назвали. Может быть, не назовут никогда. Шестым элементом была поэзия.

Русская история двадцатого века — история поэзии. Советская история — тоже история поэзии.

Советская история закончилась. Русская история продолжается, хотя тоже грозит закончиться. Русская история не совпадает с советской историей. Но в поэзии они совпадают. Это одна и та же история — история поэзии. То есть это не поэтическая история, но это история поэзии.

Нигде так не любили поэзию, как в СССР. Нигде. Нигде поэзия не сыграла такой глобальной роли, как в СССР. Поэзия была одной из самых главных основ советской идеологии. История СССР начиналась с поэзии. История СССР поэзией и закончилась. В середине тоже было много поэзии.

СССР был Мавзолеем не только Ленина. Он был ещё и Мавзолеем Пушкина. Советские дети шли в школы, чтобы, научившись писать, закончить десятую, неоконченную, главу «Евгения Онегина». После уроков советские дети занимались каратэ, чтобы отомстить за гибель Пушкина. Советские женщины рожали, чтобы мир получил нового Пушкина. Советские мужчины учились заниматься сексом, как им занимался Пушкин. Советские солдаты шли бой не только за Родину и за Сталина, но и за Пушкина тоже, — за Пушкина прежде всего. В немногочисленных советских церквях Пушкину пели «Многие лета».

Шестой элемент, или История поэзии

Горбачёв потерпел фиаско, поскольку неправильно сформулировал свой слоган. Горбачёвский слоган должен был звучать не как «Гласность и перестройка», а как «Гласность, Перестройка, Пушкин». Пушкин не смог простить Горбачёву своего отсутствия в его слогане. Там, где на территории СССР заканчивался Мавзолей Пушкина, — там сразу начинался Мавзолей Лермонтова.

Мавзолей Лермонтова был, конечно, по размерам меньше пушкинского. Но всё равно довольно впечатляющий. Там, где кончался мавзолей Лермонтова, мавзолей поэзии всё равно продолжался; это была уже Кремлёвская стена поэтов. В советском пантеоне находилось место всем. Но самое главное место принадлежало, конечно, Пушкину. Лермонтов едва не стал в русской поэзии Сталиным. В Мавзолее Ленина некоторое время провёл Сталин. Лермонтов тоже был готов занять место в самом главном месте русской поэзии — Мавзолее Пушкина — место рядом с Пушкиным. Сталина из Мавзоля Ленина вынесли. Лермонтов в Мавзолей Пушкина не внесли.

В святой троице русской поэзии Пушкин занимал место Бога. Лермонтов — Божьего сына. На место святого духа претендовали многие, но в итоге оно никем занято не было.

Советская история закончилась. Вместе с ней закончилась и история поэзии. Русская история будет какой угодно историей, но только уже не историей поэзии. Необходимо вспомнить историю поэзии

в России перед тем, как поэзия в России окончательно исчезнет. Поэзию вспоминать не надо. Она всё равно исчезнет, — вспоминай ее или не вспоминай. Лучше вспомнить поэтов, — поэзия исчезнет, но останутся люди. Им будет интересно, чем поэты отличались от других людей.

Тредиаковский, Ломоносов, Державин — аборигены и одновременно первопроходцы русской поэзии. Возделывали землю, на которую пришёл Пушкин. Больших успехов в поэзии не достигли, но зато получили все эмоции и ощущения, выпадающие на долю первопроходцев.

Барков — самый главный миф русской поэзии. Что он написал — никто толком не знает и никогда не узнает, но вроде бы что-то очень совсем уже неприличное. Из-за этого и умер в публичном доме, сказав на прощание тоже что-то очень неприличное.

Пушкин — современники называли Пушкина африканской обезьяной. На самом деле обезьянами были современники Пушкина. Они были даже не обезьянами, а лилипутами. Пушкин был среди них Гулливер. Рядом с Пушкиным лилипутом оказалась и сама Россия; лилипутом навсегда. Из-за зависти современников и России в итоге погиб на дуэли.

Жуковский, Батюшков, Баратынский, Языков — современники Пушкина, считавшие его обезьяной. Самые загорелые поэты русской поэзии потому, что смогли больше других погреться под солнцем Пушкина.

Рылеев — поэт абсолютно никакой, но зато, когда его повесили, оказался выше многих талантливых поэтов. Поэту в отличие от голливудского фильма нужно кончить плохо. Лермонтов — самый скверный характер в русской литературе. Русскую литературу не удивишь скверным характером. Русская литература сама со скверным характером. Но Лермонтов смог удивить скверным характером даже русскую литературу. Из-за скверного характера и погиб на дуэли.

Некрасов — жил в полтора раза больше Пушкина и в два раза больше Лермонтова. Хотя бездарнее любого из них во много раз больше, чем в два или полтора. Жил хорошо и ни в чём себе не отказывал, — карты, вино, женщины, постоянные поездки на Запад. Пушкин и Лермонтов так хорошо не жили; у них всё оказалось значительно сложнее. Народ Некрасова помнит. Народ Некрасова поёт.

Аполлон Григорьев — автор самого известного

стихотворения русской поэзии – про семиструнную гитару с рефреном «эх, раз». Народ Григорьева поёт, но не помнит. Народ не помнит, что поёт он именно Григорьева. Русский народ к поэтам обычно справедлив. Но для Григорьева русский народ сделал исключение.

Тютчев – понял, что ум для России – не самое главное. Понимали-то многие, но Тютчев первый открыто об этом сказал. К сожалению, Тютчев не сказал, чем же можно заменить ум и что, в конце концов, для России главное.

Фет – лирик. Мерзавец и подонок, но мужик, в общем-то, хороший. Только толстый. Но это закономерно; толстые люди – самые лиричные люди.

Блок – символист, и этим о Блоке сказано всё. Хотя любой человек – символист, поскольку к символам так или иначе имеют отношение все люди, но только о Блоке можно сказать, что – символист, и больше не говорить ничего. Впрочем, многие считают Блока не столько символистом, сколько симулянтом.

Брюсов и Андрей Белый – тоже символисты. И опять же многие считают их больше симулянтами, чем символистами.

Гумилёв – поэт и монархист. Гумилёва расстреляли большевики не за то, что он был монархист, а потому, что поэт; большевики вообще уделяли поэзии повышенное внимание.

Ахматова – жена Гумилёва. Успела развестись с Гумилёвым до того, как его расстреляли большевики; женщины даже в поэзии практичнее мужчин. Сама тоже писала стихи.

Цветаева – песня.

Есенин – тоже песня. Но с другой мелодией и с другим припевом.

Пастернак – любимый поэт русской интеллигенции. Пастернак любил всё то, что любит интеллигенция, – музыку, церковь, природу и одухотворённый половой акт. Интеллигенция любит всё то, что любил Пастернак. Стихи Пастернака – самурайский кодекс русской интеллигенции. За Пастернака русская интеллигенция даст отрезать себе руку. Мандельштам – тоже любимый поэт русской интеллигенции. Но всё-таки не настолько любимый как Пастернак. Мандельштам любил не всё, что любит русская интеллигенция, а русская интеллигенция любит далеко не всё то, что любил Мандельштам. За Мандельштама русская интеллигенция отрезать себе руку не даст.

Хлебников – гений. Так считал Маяковский. И не только Маяковский.

Маяковский – застрелился. Маяковский оказал влияние на всех советских поэтов. Но почему-то никто из них, как Маяковский, не застрелился.

Между Маяковским и шестидесятниками интересных поэтов не было.

Окуджава – когда я стал писателем, у нас с Окуджавой появился общий знакомый. Это писатель Зуфар Гареев. Впрочем, он скоро перестал быть писателем и ушёл в эротическую журналистику.

Высоцкий – с Высоцким общих знакомых не было.

Галич – и с Галичем не было.

Бродский – а вот с Бродским общие знакомые есть.

Пригов – мужчина, конечно, был интересный. Особенно, когда был наголо бритый. Последний аккорд русской поэзии.

Других поэтов я не знаю. Или забыл.

В постсоветской России пугающе повторяются все сюжеты советской истории. Но один сюжет точно не повторится: в постсоветской России уже никогда не будут любить поэзию так, как любили ее в СССР. А если даже полюбят, то будут скрывать эту любовь как половое извращение или физический недостаток. Значит, коммунисты никогда не придут к власти. Без любви к поэзии у них нет шансов для реставрации СССР. В индифферентной к шестому элементу стране у коммунистов уходит почва из-под ног. Потерявший интерес к поэзии электорат коммунистов теряет с каждым днём интерес и к коммунистам.

Авторитетная Российская библиотечная ассоциация рекомендует библиотекам, какими периодическими изданиями комплектовать свои фонды. А также отмечает качественные СМИ знаком отличия «Золотой фонд прессы». В их числе «Журнал ПОэтов».

Внимание!

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал ПОэтов можно:

- во всех почтовых отделениях;
- в подписных агентствах и их региональных представительствах

Стоимость подписки на 1 месяц:

105 руб. 60 коп.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС: 81745

ПОЭТОВ

ЖУРНАЛ
№ 10 (54) 2013

«Журнал ПОэтов»

Учредители

ООО «Эхо планеты»,

Константин Кедров, Елена Кацюба

Идея журнала и творческая концепция

группа ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) при участии Русского Пен-клуба, при поддержке Региональной общественной организации «Центр современного искусства»

Главный редактор

доктор философских наук
Константин Кедров

Директор издательского проекта

кандидат исторических наук
Эльмар Гусейнов

Редакционный совет

Е.Кацюба (ответ.секретарь);

В.Ахломов; С.Бирюков — доктор культурологии (Германия);

А.Бубнов — доктор филол.наук;

профессор В. Вестстейн (Нидерланды);

А.Витухновская; А.Городницкий —

доктор геолого-минералогических наук;

К.Ковальджи; А.Кудрявицкий (Ирландия);

Б.Лежен (Франция); В.Нарбикова.

Арт-директор — **Игорь Маркин**

Макет номера — **Елена Кацюба**

На 1 стр. обложки —

композиция Константина Кедрова

Перепечатка материалов только с разрешения редакции.

Тираж 4000 экз.

Выпуск издания осуществлён при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Цена свободная.

Номер подписан в печать 21.10.2013

Отпечатано в ООО «Графика» в Москве.

Адрес редакции

125009, Москва, Тверской бульвар, д.12 стр.1

Телефоны:

(499) 791 0398 — для справок

(499) 791 0403 — распространение

(499) 791 0409 — факс

Адрес в Интернете www.ekhoplanet.ru

e-mail ekho@ekhoplanet.ru

Ф.СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на

журнал

81745

(индекс издания)

журнал ПОэтов

(наименование издания) | количество комплектов

на 2013 год (по месяцам):

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(Фамилия, инициалы)

Дооставочная карточка

ПВ место литер

на журнал

81745

(индекс издания)

журнал ПОэтов

(наименование издания)

СТОИМОСТЬ	подписки	руб.	коп.	количество
	переплат	руб.	коп.	комплектов

на 2013 год (по месяцам):

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(Фамилия, инициалы)